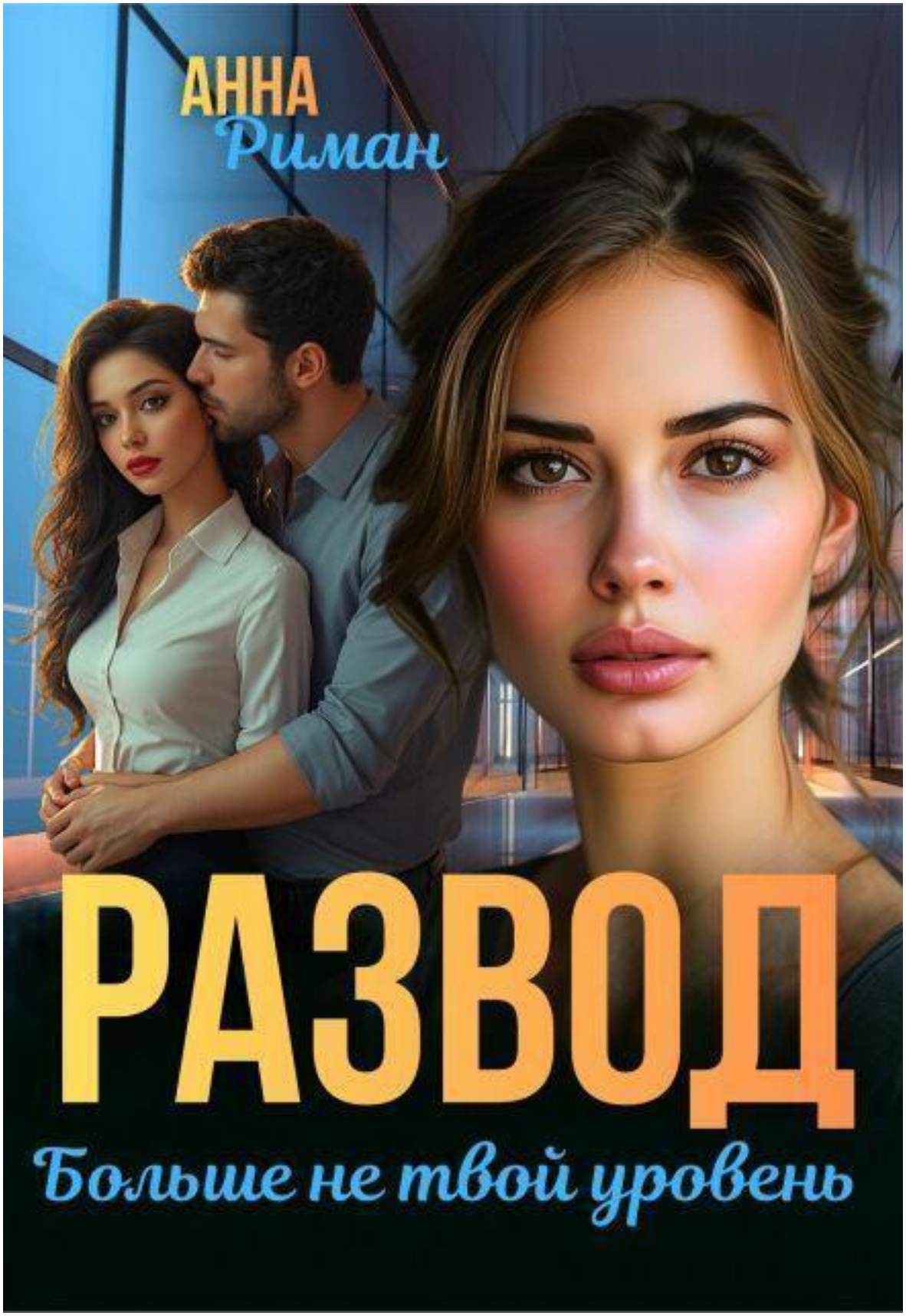

АННА
Риман
РАЗВОД
Больше не твой уровень

Анна Риман

Развод. Больше не твой уровень

«Литнет»
2026

Риман А.

Развод. Больше не твой уровень / А. Риман — «Литнет», 2026

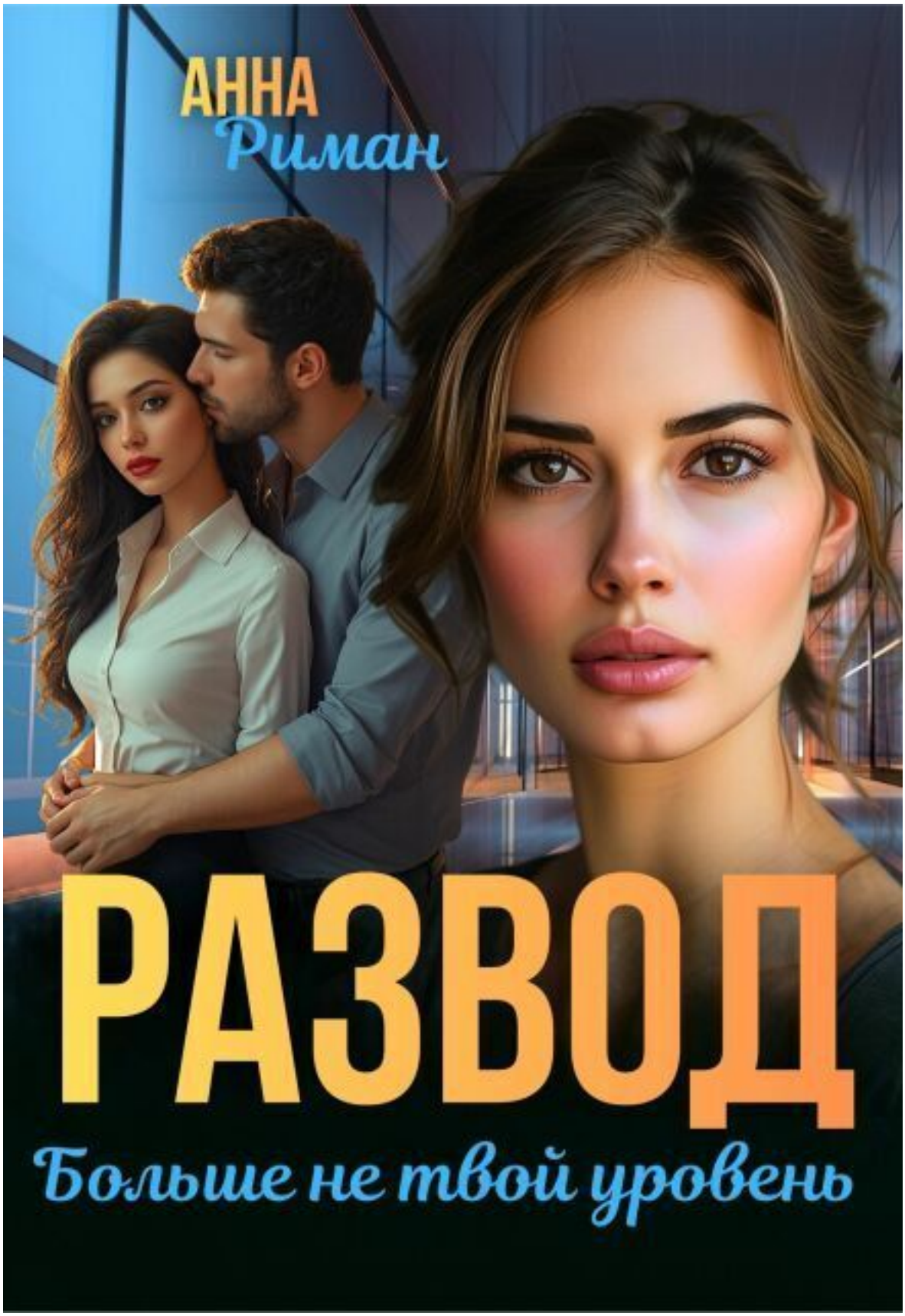
— Ты серьёзно думаешь, что я буду это терпеть? — Не начинай. Разводиться я не собираюсь. У нас семья. Квартира. Ребёнок. — И другая женщина. — Я выбираю свою жизнь. — А я? — Ты… больше не мой уровень. Он был уверен, что я останусь. Что без него я не справлюсь. Он ошибся. Теперь уровень придётся догонять ему.

© Риман А., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 19
Глава 6 24
Глава 7 27
Глава 8 32
Глава 9 37
Глава 10 40
Глава 11 44
Глава 12 47
Глава 13 50
Глава 14 53
Глава 15 58
Глава 16 62
Глава 17 67
Глава 18 71
Глава 19 74
Глава 20 77
Конец ознакомительного фрагмента. 78

Глава 1

— Не начинай, — раздраженно прошипел Сергей, застёгивая ремень. — Я, между прочим, деньги зарабатываю.

Я достала из шкафа белую рубашку, подала ему. Ткань скользнула по моим пальцам.

— Я не начинаю. Просто прошу прийти на утренник. На час. Хотя бы на пятнадцать минут.

Он быстро застегнул пуговицы, даже не взглянув в мою сторону.

— У меня встреча.

— Ты возвращаешься, когда Артем уже спит. Он скучает.

Сергей поднял голову. Взгляд стал жёстче.

— Потому что я работаю. А не перебираю гаммы с детьми.

— Это моя работа.

Он подошёл ближе, поправил воротник перед зеркалом. Наши отражения стояли рядом.

— Сейчас другие люди вокруг. Другой уровень. — Его взгляд спустился к моим рукам. — Ты бы хоть маникюр сделала нормальный. Я что, мало зарабатываю?

Он взял меня за пальцы, перевернул ладонь к свету.

Я высвободила руку.

— Мне нельзя длинные ногти. Я играю каждый день.

— Ну да. Играешь. — Он усмехнулся. — И сколько это приносит?

Я посмотрела на свои ногти. Короткие, аккуратные, прозрачный лак. Провела большим пальцем по краю указательного.

— Мне так удобно.

— Тебе удобно, — повторил он. — А мне неловко с такими руками рядом появляться.

В коридоре щёлкнула дверь детской.

— Мам, я готов!

Я не отвела глаз от Сергея.

— Он ждал, что ты придёшь.

— Пусть привыкает. — Сергей взял часы с тумбочки, защёлкнул браслет. — Мир не крутится вокруг утренников.

Металл ключей звякнул о стеклянную вазу.

— Постарайся выглядеть получше, ладно?

Он коснулся губами моего виска и вышел.

Дверь закрылась. Через несколько секунд во дворе коротко пискнула сигнализация, двигатель загудел и стих за поворотом.

В комнате остался его запах — терпкий, новый. На спинке стула висел галстук, который он в последний момент решил не надевать. Я провела пальцами по гладкой ткани и отпустила.

Подошла к зеркалу.

Сняла резинку. Волосы тяжело упали на плечи, закрыли шею. Я расправила их ладонями, наклонила голову — так лицо выглядело мягче, живее. Почти незнакомо.

Я задержалась на секунду.

Потом собрала их снова. Туже, чтобы ни одна прядь не выбилась.

Из коридора донеслись шаги сына.

Я взяла сумку и вышла, не глядя в зеркало.

Артём сидел на полу в прихожей и пытался застегнуть липучку на ботинке. Липучка хрустела, не слушалась.

— Папа уже уехал? — спросил он, не поднимая головы.

— Уехал.

Он замер, потом снова дёрнул липучку.

— Он не придёт?

Я опустилась рядом, поправила воротник его рубашки.

— У него работа.

— У него всегда работа.

Он посмотрел на дверь, будто ждал, что она сейчас откроется.

— Он обещал в прошлый раз.

Я натянула на него куртку, просунула руки в рукава.

— Сегодня я буду играть.

Он нахмурился.

— Где?

— У вас. В зале. Воспитательница попросила.

Липучка наконец прилипла. Он выпрямился.

— На настоящем пианино?

— На настоящем.

— И все будут слушать?

— Будут.

Он шагнул ко мне ближе.

— А я скажу, что это моя мама?

— Если захочешь.

Он расправил плечи и улыбнулся, не до конца.

— Ты сыграешь быстро? Как дома?

— Сыграю.

Он кивнул серьёзно, будто проверил.

Потом снова посмотрел на дверь.

— А папа вдруг успеет?

Я надела на него шапку, поправила, чтобы не закрывала глаза.

— Пойдём.

Он вздохнул, взял меня за руку крепко, двумя пальцами вцепился в мой рукав.

Мы спустились вниз и через несколько минут уже открывали дверь сада.

В зале пахло пылью и мандаринами. По стенам висели бумажные снежинки, шарики тёрлись друг о друга под потолком.

Дети в накрахмаленных рубашках и пышных платьях бегали между стульями. Мамы стояли группами, держали телефоны наготове. Каблуки, укладки, блеск на губах.

— Надя, здравствуйте! — окликнула меня Лена из старшей группы. — Как хорошо, что вы согласились.

Я кивнула. Артём держал меня за руку и оглядывался.

— Это моя мама будет играть, — сказал он громко, обращаясь ни к кому конкретно.

Одна из женщин улыбнулась:

— Повезло вам.

Я улыбнулась в ответ.

— А папа где? — спросила другая, будто между прочим, поправляя браслет.

— На работе, — ответила я.

— А-а, — протянула она и отвернулась.

Артём отпустил мою руку и убежал к детям.

Воспитательница подвела меня к старому пианино у стены. Крышка была чуть поцарапана, педаль скрипнула, когда я нажала её носком туфли.

Я села. Платье натянулось на коленях. Сумку поставила под стул.

Пальцы легли на клавиши. Холодные.

Шум в зале постепенно стихал. Мамы рассаживались. Кто-то громко шепнул:

— Это мама Артёма играет.

Я выпрямила спину.

Из первого ряда одна женщина наклонилась к соседке:

— Муж-то её теперь вон какой стал…

Я сделала вид, что не услышала.

Воспитательница махнула мне рукой.

Я опустила пальцы на первую ноту.

Клавиши отозвались мягко. Зал постепенно стих. Дети встали полукругом, кто-то сбился, кто-то толкнул соседа в плечо. Я держала темп. Поддерживала их, подхватывала, если кто-то начинал раньше.

Музыка шла ровно. Педаль скрипнула, но звук вытянулся чисто. Я не смотрела в зал — только на руки и на воспитательницу, которая кивала мне в такт.

Во втором куплете дети запели громче. Артём стоял в первом ряду, вытянувшись, губы старательно выводили слова. Он время от времени оглядывался на меня и улыбался.

Я ответила ему взглядом и перешла к проигрышу.

Пауза между песнями вышла чуть длиннее, чем нужно. В зале зашуршали куртки, кто-то тихо засмеялся.

— Это его папа на той чёрной машине за Артемом приезжал? — донеслось из первого ряда.

— Да, еще с какой-то девицей был… — ответил другой голос.

Я нажала аккорд раньше, чем собиралась.

Артём повернул голову к ряду мам, потом ко мне.

— Мам, — сказал он громко, перекрывая шум. — А папа опять ту красивую тётю повёз?

Зал замолчал.

Глава 2

Зал замолчал.

Я не подняла головы. Пальцы лежали на клавишах, как будто ничего не произошло.

— Потом мне расскажешь. Сейчас поём, — произнесла я ровно.

Артём смотрел на меня несколько секунд. Я дала вступление. Дети подхватили мелодию, сначала нестройно, потом увереннее.

Песня закончилась аплодисментами — короткими, неловкими. Я закрыла крышку инструмента и встала.

Артём подбежал первым.

— Я не забыл слова, да? — спросил он.

— Не забыл.

Он улыбнулся и оглянулся на других детей.

Воспитательница коснулась моего локтя.

— Вы молодец, — произнесла она тихо. — Не каждая смогла бы так спокойно.

Я не ответила.

Она задержала взгляд на моём лице.

— В семьях всякое бывает. Я за годы насмотрелась разного.

Больше она ничего не сказала.

Артём уже побежал к детям — кто-то тянул его за рукав, показывал новую машинку. Он оглянулся на меня, махнул рукой и тут же отвлёкся.

— Заберу после тихого часа, — пообещала я воспитательнице.

Она кивнула.

Я вышла из зала в коридор, на ходу застёгивая пальто. В голове было тесно от мыслей. Вдохнула холодный воздух. Он не помог.

В школе села за инструмент раньше времени. Класс ещё не заполнился, а я уже открыла крышку.

— Начнём с гамм, — сказала я ученику.

Он сбился на третьем такте. Пришлось его остановить.

— Ещё раз.

Резче, чем собиралась.

Он посмотрел на меня, испуганно моргнул. Я смягчила голос.

— Не торопись.

Пальцы путались. В одном месте нажала не ту ноту и резко отдёрнула руку.

«Глупости», —твердила сама себе. — «Ребёнок мог перепутать».

Но в паузах между заданиями возвращалось одно слово.

Опять.

После последнего урока я долго собирала ноты в папку. Дважды проверила сумку и в садик вернулась только ближе к трем.

Артём встретил меня в раздевалке, с шапкой в руках.

— Папа заберет? — спросил он.

— Я, — попробовала улыбнуться.

Дома мы были вдвоём. Я поставила чайник, Артём раскладывал машинки на полу.

Дверь открылась позже обычного.

Сергей вошёл, снял пальто.

— Привет.

— Привет.

Артём начал рассказывать про утренник, перебивая сам себя. Сергей кивал, листая что-то в телефоне.

— Молодец, — похвалил он, не поднимая глаз.

Телефон пискнул. Сергей посмотрел на экран. На секунду задержал взгляд и перевернул его экраном вниз. Положил рядом с тарелкой.

Я подошла ближе.

— Включу ему мультик, — предложила я и взяла телефон.

Экран загорелся. Секунда — и появилось окно с просьбой ввести код.

Я смотрела на цифры.

Сергей поднял глаза.

Наши взгляды встретились.

Он протянул руку и забрал аппарат.

— Не стоит, — сказал спокойно.

Телефон исчез у него в ладони.

Артём продолжал говорить, не замечая паузы.

Я осталась стоять у стола, чувствуя, как ладони сделались влажными.

Вытерла их о полотенце и отвернулась к плите.

— Пап, а я громко пел! — не унимался Артём.

— Молодец, — сказал Сергей, уже снова глядя в телефон.

Я налила чай. Поставила кружку перед сыном.

— Осторожно.

— Ты пароль поставил? — спросила я не оборачиваясь.

— Поставил.

— Раньше не было.

— Сейчас есть.

Он говорил ровно, будто речь шла о ничего не значащей мелочи.

Ужин прошёл быстро. Артём все рассказывал про утренник, показывал, как они стояли полукругом, как Дима сбился. Сергей кивал, почти не слушая.

Телефон лежал рядом с его рукой.

Когда сын убежал в комнату, я начала собирать со стола.

— Я забыла, — вспомнила я. — В багажнике пакет с подарком для Артёма.

— Возьми, — ответил Сергей равнодушно.

Даже не поднял глаз.

Я надела куртку и вышла во двор.

Воздух был холодный, сухой. Фонарь над машиной мигал.

Я открыла водительскую дверь и села внутрь. В салоне пахло сладким. Не моими духами. Тёплым, густым запахом, который остается после чужого присутствия.

Я потянулась к бардачку.

Щёлк.

Документы. Страховка. Перчатки.

Под ними — что-то светлое.

Сначала подумала — салфетка.

Потянула.

Кружево скользнуло по пальцам.

Тонкие. Розовые. С прозрачной вставкой по краю.

Трусики.

Я замерла.

В груди стало пусто. Так резко, что я не смогла вдохнуть.

Рука опустилась на руль. Пальцы вцепились в него, как будто машина могла удержать меня на месте.

Не показалось.

Не ребёнок придумал.

Не сплетни.

Я развернула ткань полностью. Маленький размер. Лёгкие. Не мои. У меня таких никогда не было.

Пальцы дрожали. Я сжала их сильнее, чем нужно. Кружево впилось в кожу.

Где. Когда. В этой машине.

Я резко вдохнула, словно вынырнула.

Аккуратно сложила их обратно. Под документы. Так же, как лежали.

Закрыла бардачок.

Только потом вышла из машины и открыла багажник. Пакет с подарком лежал сверху.

Я захлопнула крышку.

Свет в нашей квартире горел.

Он был дома.

И, возможно, уже писал ей.

Глава 3

Артём ворочался, пока я застёгивала на нём пижаму и расправляла одеяло. Он цеплялся за мой рукав, будто боялся отпустить.

— Мам… ты завтра опять будешь играть?

— Буду, — пообещала я и поцеловала его в лоб. — Спи.

Он засопел почти сразу. Я закрыла дверь тихо, чтобы его не разбудить, и остановилась на секунду в коридоре. В квартире было тепло, а мне казалось, будто с улицы я принесла холод.

Я прошла по темному коридору и открыла дверь спальни.

Сергей лежал на боку, телефон светил ему в лицо. Он не повернул голову, когда я вошла.

Я села на край кровати. Под пальцами смялось покрывало.

— У тебя кто-то есть? — спросила я с дрожью в голосе.

Экран погас. Сергей медленно положил телефон на тумбочку, как вещь, которой не место в разговоре.

— Ты решила мне нервы потрепать на ночь глядя? — произнёс он и потянулся за одеялом.

— Сегодня в саду говорили, что тебя видели. С какой-то женщиной.

Я сглотнула.

— И в машине… в бардачке были чужие трусы.

Он приподнялся на локте.

— Ты лазила в машине?

— Я забирала пакет.

— Пакет, — он усмехнулся, но улыбки не было. — И заодно устроила обыск?

Я сжала пальцы на колене.

— Там лежали женские вещи.

— И что? — Сергей сел. Плечи выпрямились, голос стал громче. — Ты понимаешь, как это выглядит? Ты слушаешь глупые сплетни, потом лезешь в мои вещи и устраиваешь спектакль.

— Это не только сплетни, — возразила я. — Я держала трусы в руках.

Он наклонился вперёд, будто собирался объяснить мне что-то простое.

— Я дал машину коллеге. У него своя в ремонте. Поняла? Толику, помнишь такого? Я не обязан отчитываться, кто с ним ездил. Ты вообще слышишь себя?

— Почему тогда пароль?

Сергей хлопнул ладонью по матрасу.

— Потому что ты берёшь мой телефон! Лезешь куда не надо! Везде суешь свой нос. Вот поэтому.

Я смотрела на него и не могла найти нужные слова. Он уже всё расставил так, чтобы виноватой оказалась я — с моими вопросами и «глупыми нервами».

— Ты мне не доверяешь, — произнес он тише. — Это твоя проблема, Надя. Не моя.

Он лёг, повернулся к стене и натянул одеяло до плеч. Лампочка на зарядке мигнула зелёным.

Я осталась сидеть. Потом тоже легла, но спина не нашла удобного места. В темноте шуршала простыня, когда он переворачивался. Между нами было много воздуха, и он давил.

Утром Сергей молча налил себе кофе. Артём ел кашу и стучал ложкой по тарелке.

— Пап, ты сегодня придёшь пораньше? — спросил он.

— Посмотрим, — ответил Сергей не глядя.

Он ушёл, не поцеловав Артёма. Дверь закрылась ровно, без хлопка. В прихожей осталось тихое эхо его шагов.

Я поймала себя на том, что хочу догнать и сказать: «Прости». Рука уже потянулась к телефону, но остановилась.

В обед я сидела на скамейке возле школы и смотрела на часы. Пальцы всё время цепляли ремешок сумки. Ученик задержался, урок отменился, окно появилось неожиданно, будто кто-то открыл дверь в коридоре.

Я встала. На остановке пахло мокрым асфальтом и кофе из киоска. В маршрутке было тесно, и чужие плечи давили со всех сторон. Я держалась за поручень и смотрела в окно, не узнавая улицы.

К офису Сергея я подошла ближе к обеду. Люди стекались к выходу, кто-то ждал у стенки, кто-то говорил по телефону. Я остановилась так, чтобы не мешаться на проходе, и сделала вид, что просто жду.

В кармане лежал номер его коллеги. Толю я знала не очень хорошо — «привет», «с днём рождения», пару раз пересекались на корпоративе. Палец завис над экраном. Я открыла список контактов и тут же закрыла.

Сердце билось ровно, будто я шла на обычную встречу. Только ноги были ватные.

Это же просто смешно. Не мог Сергей мне изменить, мы уже столько лет вместе и в горе и в радости.

«Зачем я здесь?» — мелькнуло и пропало.

Я уже собиралась развернуться и забыть глупые сомнения, когда стеклянная дверь распахнулась.

Сергей вышел первым. Пиджак расстёгнут, на лице лёгкая улыбка — не та, что дома. Рядом с ним была девушка. Светлая, тонкая, в коротком пальто, волосы гладкие, как лента. Она что-то сказала, и Сергей наклонился к ней, будто ловил каждое слово.

Его рука легла ей на талию — привычно, без лишних движений.

Девушка засмеялась и подняла к нему лицо.

Сергей поцеловал её быстро, почти буднично. Как ставят точку в конце фразы.

Мне показалось, что воздух стал плотнее. Я шагнула назад. Ещё. Каблук попал на край бордюра, и ступня поехала.

Где-то рядом пискнуло коротко. Сзади послышался шорох шин.

Я не успела повернуть голову.

Что-то толкнуло меня в бедро — тупо, тяжело.

Ноги подломились. В глазах вспыхнул белый свет.

Дорогие друзья!

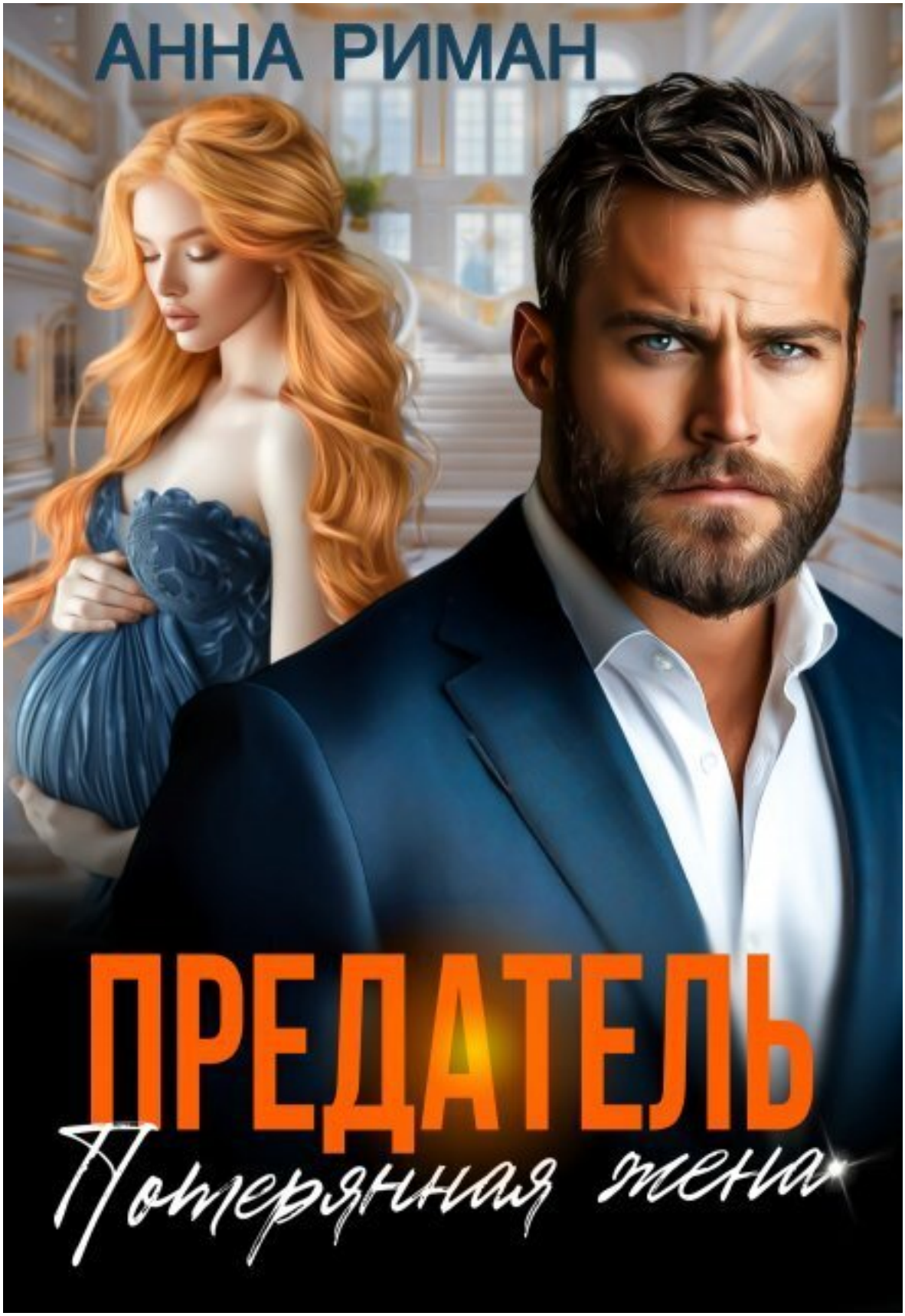
Приветствую вас в моей новинке. Добавляйте в библиотеку, ставьте лайк и подписывайтесь на автора.

А пока Надя приходит в себя приглашаю вас в другую мою книгу и дарю промики:

gFjMqXSC 1PyvHxPC T1kL1bNz

“Предатель. Потерянная жена”

https://litnet.com/shrt/zigD

– Я любовница вашего мужа! Беременна от него, – выпалила девушка скороговоркой и выпятила живот.

Я только рассмеялась в ответ. Нет, девушка конечно симпатичная, но чтобы Виктор связался с такой. Не может быть!

– У меня вот и тест ДНК есть!

Я готовилась к рождению первенца, не зная, что у мужа появилась другая. Она тоже ждет ребенка. Муж привел ее в наш дом и считает, что дальше мы будем жить все вместе!

Глава 4

Асфальт оказался ближе, чем я предполагала. Жесткий. Влажный. Воздух выбило из груди так, будто кто-то нажал на грудную клетку изнутри.

— Не двигайтесь.

Голос был спокойный. Чужой.

Я открыла глаза. Надо мной склонился мужчина. Чёткий профиль, тёмное пальто, внимательный взгляд.

— Вы меня слышите?

Я кивнула.

— Я в порядке, — сказала, и голос прозвучал глухо.

Он протянул руку. Ладонь тёплая, сухая. Я ухватилась. Бедро прострелило болью, нога дрогнула.

— Голова?

— Нет.

Он посмотрел так, будто видел больше, чем я говорила.

— Поедем к врачу.

— Не надо.

Он перевёл взгляд на мою ногу.

— Надо.

Не повысил голос. Просто решил.

Помог мне дойти до машины. Я села, чувствуя, как ткань платья тянет по бедру.

Только тогда оглянулась.

Парковка жила своей жизнью. Люди расходились. Чужие машины. Смех. Двери хлопали.

Сергея не было.

Его машины тоже.

Он уехал.

Поцеловал ту женщину и просто уехал.

Губы. Его рука на её талии. То, как он наклонился. Легко. Привычно.

Он так же наклонялся ко мне на кухне, когда доставал чашку с верхней полки.

Двигатель завёлся мягко.

— Владислав, — представился мужчина коротко. — Не волнуйтесь, здесь рядом клиника.

Я кивнула.

Имя скользнуло мимо, не зацепившись.

В стекле отражалось моё лицо — бледное, растерянное.

Телефон лежал в сумке. Я достала его.

Ни одного пропущенного.

Я открыла переписку с Сергеем.

Последнее сообщение от меня утром:

«Если я перегнула, прости.»

Он был онлайн десять минут назад.

И промолчал.

Я закрыла экран.

— Голова не кружится? — спросил Владислав.

— Нет.

Голова не кружилась. Кружилось внутри. С такой силой, что у меня дрожали руки.

В клинике мужчину знали.
— Добрый день, Владислав Олегович.
Администратор поднялась сразу. Врач вышел к нам уже через минуту.
Без ожидания. Без «присаживайтесь».
Меня усадили на кушетку. Пальцы врача аккуратно нажимали на бедро.
— Больно?
— Терпимо.
Я могла терпеть боль.

Предательство — нет.
— Ушиб. Растяжение. Покой.
Владислав стоял в стороне. Руки в карманах. Он не вмешивался. Только смотрел.
Я никого не замечала, у меня перед глазами стояла парковка.
Её светлое пальто. Его ладонь. Его губы.
В холле я заметила грязь на руках. Синяки. Тонкие царапины.
Владислав протянул салфетку.
— Вы испачкались.
Я провела по коже. Пальцы дрожали.
Он задержал взгляд на моих ладонях.
— Вы пианистка?
Я удивленно подняла глаза.
— Да.
— У мамы были такие руки.
Он произнес это так просто. Даже легко.
С такими руками неудобно рядом появляться.
Сергей говорил это утром. Почти с усмешкой.
А днём целовал другую.
Я сжала салфетку так, что бумага порвалась.
— Спасибо.
Мужчина достал визитку.
— Владислав Ковалёв.
Белая карточка. Чёрные буквы.
Я убрала её в сумку, будто это был чек из аптеки.
— Надя, — бросила глухо, вдруг поняв, что так и не представилась.
До дома мы доехали молча. Владислав вышел, открыл мне дверь.
— Аккуратно. Может, вам надо что-то привезти?
Я отрицательно покачала головой.
Квартира встретила меня гулкой тишиной.
На столе стояла чашка. На краю — тёмный след от кофе.
Я провела пальцем по столешнице. Пыль не успела лечь. Всё было на месте.
Кроме меня.
Я прошла в спальню. Открыла шкаф.
Рубашки висели ровно. Белая, голубая, в тонкую полоску.
Та, в которой он целовал её, была на нём.
Я коснулась ткани на вешалке. Ровная. Холодная.
Сколько раз я гладила их по вечерам.
«Ты у меня идеальная», — говорил он тогда.
Я вытащила чемодан из-под кровати. Поставила на постель.
Молния разошлась с тихим звуком.

Первую рубашку сложила аккуратно. Вторую.

На третьей рука дрогнула. Пуговица зацепилась за рукав. Я дёрнула сильнее, чем нужно. Ткань хрустнула.

Я замерла.

Дыши.

Сложила её медленно.

Галстук. Брюки. Ремень.

Я не плакала.

Слёзы не шли.

В груди было пусто. Как после сильного удара.

Он предал не меня. Нашу семью.

Все слова «мы столько лет вместе» оказались лишь сотрясением звука.

Чемодан наполнился быстрее, чем я думала.

Я закрыла его и поставила у двери.

Телефон лежал на тумбочке.

Подержала его в руке. Положила обратно.

Нет.

Не сейчас.

Я села на край кровати. Бедро ныло. Синяк уже темнел под тканью.

Посмотрела на своё отражение в зеркале шкафа.

С такими руками неудобно рядом появляться.

Я подняла ладони. Короткие ногти. Прозрачный лак. Лёгкие царапины.

Он глядел на них и видел недостатки.

Другой мужчина посмотрел — и узнал.

Но это не имело значения.

Имело значение только одно.

Он целовал другую.

В замке повернулся ключ.

Щелчок.

Я не встала.

Пусть войдёт.

Пусть увидит чемодан.

Глава 5

Дверь открылась.

Сергей вошёл первым, придерживая створку плечом. В одной руке он держал куртку Артёма, в другой — пакет из садика. Артём протиснулся внутрь, в шапке набекрень.

— Мам! — он увидел меня и сразу улыбнулся. — Папа меня забрал!

Сергей бросил взгляд на чемодан и остановился на долю секунды, будто споткнулся.

— Это что? — спросил он, не снимая обуви.

— Твоё, — выдавила я тихо.

Артём уже тянулся к шнуркам, топтался на месте.

— Мам, у меня рисунок! — он полез в пакет, зашуршал бумагой.

Я взяла из обувницы его домашние тапки, поставила рядом.

— Разувайся. Иди в комнату. Мультик включишь.

— А ты со мной? — он поднял на меня глаза.

— Сейчас.

Сергей стоял, будто в коридоре стало тесно. Молчал. Пальцы на пакете сжались.

Артём снял шапку, волосы встали дыбом. Я поправила ему воротник, помогла стянуть комбинезон. Он побежал в детскую, по пути задел плечом чемодан. Тот качнулся, но не упал.

— Мам, я сам включу! — донеслось из комнаты.

Я закрыла дверь в детскую не до конца, чтобы слышать.

Сергей разулся, медленно, аккуратно поставил ботинки носами к стене. Пиджак не снял. Повернулся ко мне.

— Ты что устраиваешь?

Я стояла у чемодана, ладонь лежала на ручке. Пальцы болели от ссадин, но я не убрала руку.

— Я была сегодня у твоего офиса.

Он не моргнул.

— И?

— Я видела.

Пауза растянулась. Сергей посмотрел на дверь детской, потом обратно на меня.

— Ты следила за мной?

— Я приехала поговорить с Толиком.

— С Толиком, — он усмехнулся одним уголком рта. — Серьёзно?

Я не ответила.

Сергей сделал шаг ближе, остановился на расстоянии вытянутой руки. Пахло его парфюмом — тем же, что утром, только сильнее. С улицы.

— Ладно, — сказал он спокойно. — Да. У меня есть женщина, и я не собираюсь из этого делать трагедию.

Он произнёс это так буднично, словно говорил о новой страховке.

У меня в ушах зашумело. Как будто кто-то резко выкрутил звук.

— Я с ней встречаюсь пару месяцев.

Я держала ручку чемодана, пока пластик не начал врезаться в ладонь.

— И трусы в машине тоже её?

— Машина тут вообще ни при чём, — отрезал он. — Ты копаешься в бардачке, как… — он не договорил, качнул головой. — Ты вообще понимаешь, как это выглядит?

Я посмотрела на него.

— А ты понимаешь, как выглядел ты? Там, на парковке.

Он выдохнул, как будто устал.

— Надя. Я поднялся. У меня сейчас другое окружение. Другие правила.

— Правила? — переспросила я.

— Да, — он пожал плечами. — Мы давно не студенты. Я не хочу и дальше жить, как десять лет назад, когда нам хватало «лишь бы был ужин и тихо». Мне нужна настоящая жизнь. Понимаешь?

— С любовницей.

Сергей не отвёл взгляд.

— Назови как хочешь. Это часть моего… — он сделал паузу, будто подбирал слово поприличнее. — Имиджа. И удовольствия. Успешные мужчины так живут.

Я молчала. Из детской донеслось: «Ой, тут реклама!» — и шорох пульта.

— Я вас не бросаю. Ты же сама понимаешь разницу, — добавил он.

— Что?

Я ждала хоть тени сомнения. Хоть паузы.

Он не оставил ни миллиметра.

— Я сказал: разводиться не буду. У нас семья. Сын. — он кивнул в сторону детской. — Ты хочешь, чтобы он жил без отца? Чтобы мы таскали его туда-сюда? Зачем?

Я медленно отпустила ручку чемодана и показала ладонью на дверь.

— Уходи.

Сергей посмотрел на меня так, будто я выдала что-то смешное.

— Куда?

— Куда хочешь. К ней. К Толику. Мне всё равно.

— Ты сейчас на эмоциях, — произнес он и шагнул мимо чемодана, как будто его не было. — Остынешь.

Снял пиджак, повесил его на спинку стула в коридоре — на то самое место, где всегда висел. Движение было привычным. Домашним.

Я почувствовала, как у меня поднимается злость — горячая, плотная, без слов.

— Квартира моя, — сказала я. — Ты тут не останешься.

Сергей повернулся. Нахмурился, будто я нарушила порядок вещей.

— Твоя? — он усмехнулся уже открыто. — А ремонт здесь кто оплатил? Ты меня выставишь? При ребёнке? Ты вообще соображаешь?

— Я выставлю.

— Не смеши, — выплюнул он и прошёл в сторону кухни, щёлкнул выключателем, будто проверял свет. — Ты без меня как жить вообще будешь? На свою зарплату? Ты серьёзно думаешь, что потянешь?

Я стояла в коридоре и смотрела, как он хозяйничает в моем доме.

— Мне не нужен твой уровень, — выдавила я.

Сергей остановился, обернулся.

— Вот в этом и проблема, Надя. Ты не понимаешь. — он поднял подбородок. — Я заслуживаю лучшего. А ты… — он осмотрел меня с головы до ног, задержался на руках, на царапинах. — Ты больше не мой уровень.

Из детской донеслось тихое:

— Мам?

Я повернула голову.

Сергей тоже услышал. Его лицо мгновенно стало спокойным. Он развернулся и пошёл к детской, уже другим шагом — уверенным, мягким.

— Иду, Артём, — сказал он, как будто ничего не происходило.

Чемодан остался у двери.

Я стояла рядом с ним и слушала, как Сергей открывает дверь детской и говорит сыну что-то ласковое.

Дорогие друзья!
Приглашаю вас в другую мою книгу и дарю промики: cDUFOkdd LMWJs7Ee 8Dz5q2jZ
“Измена. Не твоя любимая”
https://litnet.com/shrt/kWyc

Она застала мужа в гримёрке.

На диване. С дочерью владельца студии.

Пока Станислава тянула ипотеку и его «великую карьеру», он строил будущее в чужой постели. И даже не считал это изменой — «ради дела», «ради ролей», «ради нас».

В ответ на её развод её увольняют по статье. Объявляют воровкой. Лишают работы. Почти лишают дома. Муж спокойно объясняет: в семье должна сиять одна звезда. И это не она.

Они думали, что сломали её.

Но преданная жена — не жертва.

Это женщина, которой больше нечего терять.

А значит, будет больно. Всем.

Глава 6

Артём заснул быстро, уткнувшись носом в подушку. Я накрыла его одеялом до плеч, поправила край, чтобы не сползал. Он дышал ровно, с короткими вздохами, как после насыщенного дня.

Я закрыла дверь в детскую. Свет в коридоре резал глаза. Чемодан так и стоял у входа, как напоминание, что я не передумала.

Сергей вышел из кухни и остановился напротив, ждал, что я отступлю первой.

— Нам надо поговорить, — произнесла я.

— Мы уже поговорили, — ответил он с нажимом.

Я подошла к чемодану и положила ладонь на ручку.

— Ты съезжаешь. И я подаю на развод.

Сергей посмотрел на меня спокойно.

— Нет.

— Да, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Ты сама-то слышишь, что несёшь?

— Слышу.

— Надя… — он вздохнул. — Ты на эмоциях. Завтра проснешься и будешь думать иначе.

— Не буду.

Он сделал шаг ближе, остановился, чтобы не разбудить Артёма. Голос стал тише, но не мягче.

— У нас сын. Ты не будешь рушить ему жизнь из-за своей ревности.

— Это ты рушишь, — прошипела я.

Сергей качнул головой.

Я для него опять ничего не понимала.

— Хватит.

Слово прозвучало коротко.

Он прошёл мимо чемодана, задел его ногой — нарочно или нет, я не поняла. Чемодан качнулся.

Снял часы, положил на полку, взял подушку с кровати в спальне. Постоял в коридоре секунду, проверяя, не сломаюсь ли я.

— Спи, — бросил он и ушёл в гостиную.

Я осталась стоять у двери детской, слушая, как он устраивается на диване. Шуршание ткани. Скрип пружин. Потом тишина.

Ночью я почти не спала. Вставала, пила воду, возвращалась. В темноте коридор казался длиннее. Чемодан маячил у двери, как чужая тень.

Утром Сергей поднялся раньше. Я слышала, как на кухне щёлкнул чайник, как грохнули чашки. Он ходил по квартире уверенно, словно всё в порядке.

Когда я вошла, он держал в руках рубашку.

— Погладь, — бросил не глядя.

Я остановилась у стола. Пальцы сжались.

— Нет.

Он повернул голову.

— Что значит нет?

— Значит, не буду.

Сергей посмотрел на меня так, будто я впервые сказала что-то по-настоящему неправильное.

— Ты решила продолжать этот цирк?

— Я решила, что больше тебе не прислуга.

Он усмехнулся, но улыбки не было.

— Ладно.

Взял утюг сам. Провёл по рукаву, лишь комкая ткань. Потом повесил рубашку на спинку стула и достал другую — уже выглаженную.

— Тогда живи как хочешь, — сказал он, застегивая манжеты. — Только потом не бегай ко мне за деньгами.

Артём вышел из детской сонный, с помятым лицом.

— Мам… — он зевнул. — Папа?

Сергей сразу изменился. Наклонился к сыну, пригладил ему волосы.

— Я на работу, чемпион. Вечером увидимся.

— Ты придёшь? — Артём потянулся к нему.

— Посмотрим, — сказал Сергей и уже мне, через плечо: — Садик не забудь.

Дверь закрылась ровно. Без хлопка.

Я отвела Артёма в сад. Он шёл рядом и то и дело поднимал на меня глаза, хотел что-то спросить, но не решался.

— Мам, ты на меня не сердись, — попросил он вдруг на лестнице.

— Я не сержусь, — ответила я и поправила ему шапку.

В раздевалке воспитательница поймала меня у шкафчика.

— Надежда, напомню. Надо сдать деньги на экскурсию. Сегодня последний день, — сказала она ровно. — Тысяча двести.

Я кивнула.

— Переведу.

Слова вышли уверенно. Автоматически.

На улице я остановилась у калитки, достала телефон. Пальцы дрожали от холода.

Приложение банка загружалось чуть дольше обычного.

Экран мигнул.

Баланс.

Ноль.

У меня пересохло во рту.

Я сглотнула и снова нажала «обновить».

Ноль.

Цифра не менялась.

История операций: перевод на счёт Сергея. Без комментариев. Просто сумма.

Вчера пришли деньги за мои занятия. Я их даже не начала тратить.

Я стояла, глядя на цифры, пока в голове не стало тихо. Как будто кто-то выключил звук. Набрала Сергея. Пальцы не слушались. Пришлось набирать дважды.

Гудки пошли сразу. Он ответил на третьем.

— Да?

— Ты снял деньги? — спросила я.

Пауза была короткая, словно он уже ждал.

— Да.

— Зачем?

— Ты хотела самостоятельности, — произнес он с усмешкой. — Получай.

— Мне нужно оплатить Артему экскурсию.

— Это твои проблемы.

— Сергей…

— Надя, хватит, — отрезал он. — Не выводи меня. Я занят.

В ушах зазвенело так, что я не сразу поняла, что он уже положил трубку.
Солнце било в глаза. Я закрыла их на секунду, но темнота не помогла.
Телефон в руке казался тяжёлым. Мимо шли люди. Кто-то смеялся. Кто-то вёз коляску.
Я повернулась и пошла к маме.
Поднялась на третий этаж, остановилась перед дверью, постучала.
Мне тридцать пять. И я иду просить денег.
Мама открыла сразу, будто стояла за дверью.
— Надюш? — она посмотрела на меня и нахмурилась. — Что случилось?
Я открыла рот — и не смогла ответить.

Глава 7

Мама открыла почти сразу. На ней был домашний халат, волосы собраны в пучок, на щеке след от подушки, будто я выдернула её из сна.

— Надюш? — она прищурилась. — Что случилось? Ты чего так рано?

Я стояла на пороге и сжимала сумку обеими руками, будто она могла удержать меня на месте.

— Мам… — выдавила я и замолчала.

Мама отступила пропуская.

— Проходи. Холодно же. Ты бледная.

Я шагнула в прихожую. Здесь пахло варёной картошкой и стиральным порошком. Тёплый запах дома.

Мама закрыла дверь, посмотрела на меня ещё раз, уже внимательнее.

— Артём в садике?

Я кивнула.

— А Сергей?

Я сглотнула.

— Мы… разводимся.

Слова вывалились не сразу, но как только прозвучали — стало тише. Даже батареи зашипели как-то громче.

Мама не ахнула. Не схватилась за сердце. Просто задержала взгляд на моём лице, будто пыталась понять, шучу я или нет.

— Разводитесь… — повторила она медленно. — Из-за чего?

Я сняла куртку, повесила на крючок, пальцы дрожали. Повернулась к ней.

— У него другая женщина.

Мама отвела глаза. На секунду. Потом прошла на кухню и махнула рукой:

— Пойдём. Чаю выпьем.

На подоконнике стояли горшки с геранью, на столе — хлебница и раскрытая газета. Мама поставила чайник, грохнула крышкой громче, чем нужно.

— Ты уверена? — спросила она не оборачиваясь.

— Я видела.

Она повернулась. Вздохнула.

— Надя… ну… — она поджала губы. — В семьях всякое бывает. Поругались, помирились. Он перебесится.

Я смотрела на неё и не могла понять, как это можно назвать «перебесится».

— Он сказал, что разводиться не будет, — произнесла я.

— Ну и правильно, — вырвалось у неё, и она тут же смягчила голос. — Я не то… Я к тому, что… может, вы сейчас на нервах. Мужики — они… если деньги появились, голову сносит. Потом проходит.

Она поставила кружки. Достала из шкафа печенье, подвинула ко мне тарелку.

— Он Артёмку любит, — сказала она тише. — Ты же видишь.

Я кивнула. Спорить тут было не с чем. Артёма Сергей действительно любил. По-своему. Так, как любят красивую игрушку, которой удобно похвастаться.

Мама села напротив, сложила руки на столе.

— Ты только не накручивай себя, ладно? — добавила она мягко. — Не делай глупостей. Главное — чтобы ребёнок…

Я не дала ей закончить.

— Мам, мне нужны деньги.

Сказала и почувствовала, как горло сжалось.

Мама моргнула.

— Какие деньги?

— В садик. На экскурсию. Сегодня последний день.

— А Сергей… — начала она.

Я опустила взгляд на кружку. Чай ещё не успел завариться.

— Он снял всё.

Мама замолчала. В кухне было слышно, как в чайнике тихо шумит вода..

— Всё? — переспросила она.

Я кивнула.

— Там были и мои деньги тоже.

Я замолчала. Слова застряли. Мама смотрела на меня так, будто впервые увидела взрослую дочь, которая может оказаться беспомощной.

Она встала, открыла ящик, пошуршала в кошельке. Достала купюры, пересчитала молча, не глядя на меня.

— Возьми, — сказала она и положила деньги на стол. — Вернёшь потом, как сможешь.

И добавила уже мягче, почти жалостливо:

— Он погорячился. Вы поговорите. Он остынет, и все наладится.

Я взяла купюры. Бумага была тёплая от её рук. Спрятала деньги в кошелёк и застегнула молнию, будто закрывала этим всё.

— Мам… — начала я и остановилась.

Мама смотрела с ожиданием.

Я не сказала «спасибо». Не потому что не хотела. Просто слово не лезло. Мне было стыдно. За то, что я пришла просить взаймы. Хотя мне тридцать пять. За то, что меня можно так легко наказать.

Я встала.

— Ты куда? — спросила мама.

— Домой.

— Надя… — она поднялась тоже. — Подожди. Не делай резких движений. Ради Артёма хотя бы.

Я кивнула. Снова не потому что согласилась.

В коридоре мама помогла мне надеть куртку, как в детстве — поправила воротник, потянула молнию.

— Позвони, если что, — произнесла она уже у двери. — Ладно?

Я вышла.

На улице было ярко. Снег подтаял, на асфальте блестела вода. Люди шли мимо, разговаривали, смеялись. У всех была своя жизнь.

Я дошла до подъезда и остановилась. Достала деньги, посмотрела на них в ладони.

Тысяча двести — экскурсия.

Я могла сейчас пойти и перевести. Закрыть эту дырку. Сделать вид, что всё как всегда.

А вечером Сергей снова войдёт в квартиру. Снимет ботинки. Повесит пиджак. Скажет Артёму: «Чемпион». И посмотрит на меня так, будто я лишняя.

Я положила деньги обратно и набрала номер.

— Алло, — ответил мужской голос.

— Мне нужно поменять замки, — сказала я. Голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. — Сегодня. Сможете?

— Адрес?

Я назвала.

— Буду через час, — пообещал он.

Я поднялась в квартиру. Открыла дверь своим ключом и вошла в тишину. Чемодан всё ещё стоял у входа. Я прошла мимо, не трогая его.

Через час в дверь позвонили. Мастер был в рабочей куртке, с ящиком инструментов.

— Где замок? — спросил он.

Я показала.

Сверло загудело. Металл скрипнул. Запахло железом и пылью. Я стояла рядом и смотрела, как старый замок перестаёт быть частью моей двери.

Мастер вытер руки о тряпку, протянул мне связку.

— Два комплекта. Проверяйте.

Я взяла ключи. Они были тяжёлые. Настоящие.

Вставила один в новый замок. Повернула. Щёлкнуло иначе — глухо, уверенно.

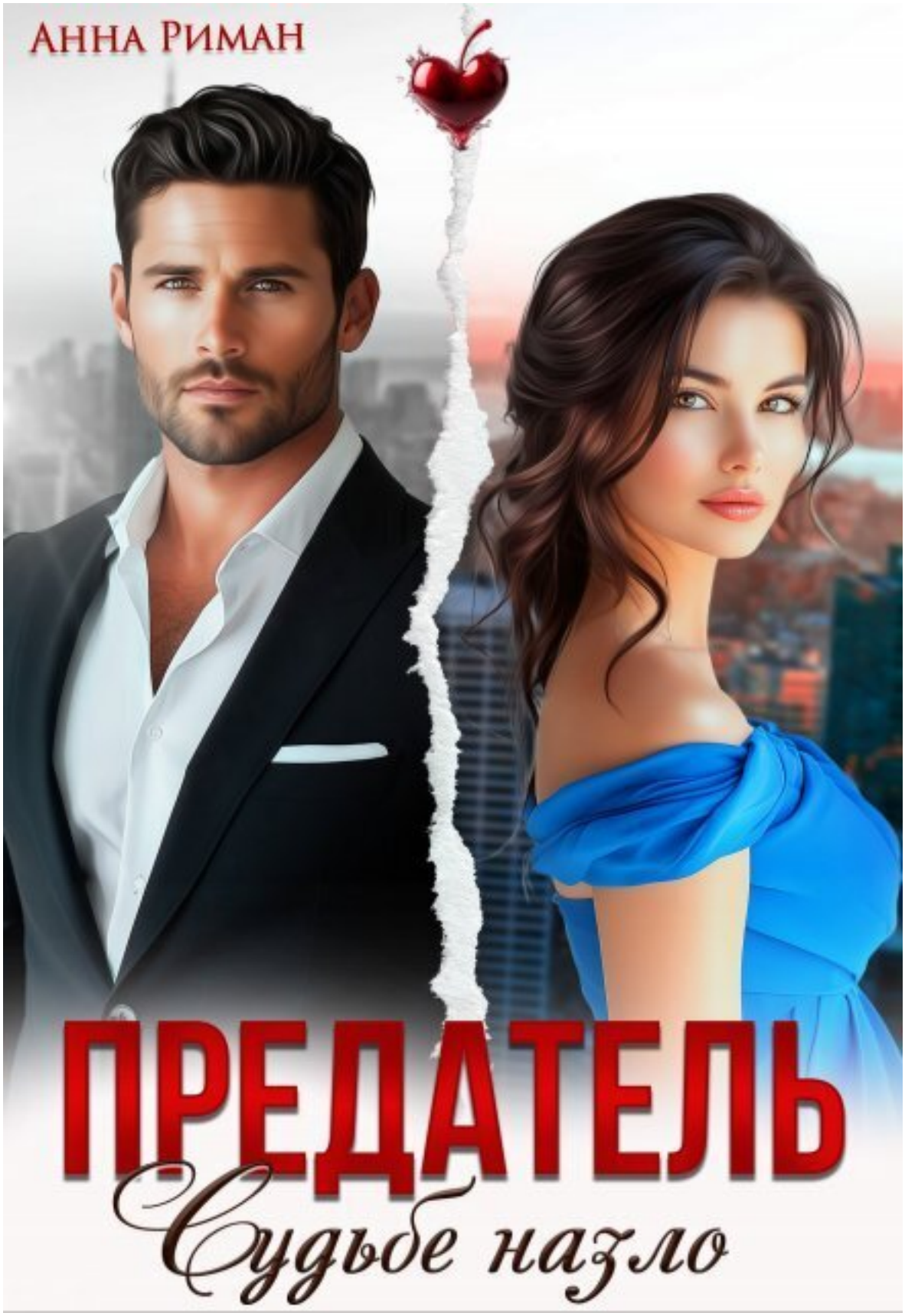
Ключи лежали у меня на ладони, и я вдруг заметила, что руки у меня дрожат.

Не от страха.

От того, что будет вечером.

Дорогие друзья!

Приглашаю вас в еще одну мою книгу: *“Предатель. Судьбе назло”*
https://litnet.com/shrt/A5P2

Две полоски. Три теста и на каждом две полоски.

Пока я прыгала от счастья, придумывая, как сообщу мужу радостную новость. Дома меня ждал любимый и … неожиданный сюрприз.

– Я уволился, – сообщил муж, методично раскладывая вещи в чемодане. – Прости, Вера. Я переоценил свои силы, когда предложил тебе семью. Больше не могу.

– Как не можешь?! – плюхаясь на диван, еле слышно пролепетала я. – Что случилось? Все же хорошо. Бывает, денег не хватает, но так у многих, зато мы вместе и счастливы.

Матвей отбросил в сторону джинсы и окинул меня презрительным взглядом.

– Я уезжаю в Москву, – бросил, как кнутом ударил.

– А как же я? Мне что прикажешь делать? Я здесь не останусь, поеду с тобой.

– Прости, мышонок, но тебя я с собой не возьму.

Матвей оставил меня одну, толком не объяснив свой поступок, но я выжила. И хочу для себя и сына счастья. Зачем он вернулся и почему не желает дать мне развод?!

Глава 8

Артём выбежал ко мне в раздевалке, размахивая листом бумаги.

— Мам, смотри! Я динозавра нарисовал!

Я улыбнулась, присела, поцеловала его в висок.

— Очень страшный.

— Папе его покажу, — сказал он важно и сложил рисунок пополам. — Он сегодня придёт?

Я застегнула на нем куртку.

— Не знаю.

Он посмотрел внимательнее.

— Вы опять поругались?

Я поправила ему шапку.

— Мы взрослые. Бывает.

Он кивнул, будто принял объяснение, но руку мою сжал крепче обычного.

Дома было тихо. Чемодан стоял у двери. Новый замок блестел в свете лампы. Я провела по нему пальцами — металл холодный.

Артём разложил машинки на ковре.

— Папа будет кушать с нами? — спросил он из комнаты.

— Посмотрим, — ответила я, доставая из холодильника ужин.

Проверила телефон. Сообщение от Сергея:

«Разогрей поесть.»

В животе что-то сжалось.

Я накрыла на двоих. Третью тарелку доставать не стала.

— Мам, а папе? — донеслось из комнаты.

— Не надо.

Он вышел в коридор, нахмурился.

— Он же приедет.

Я не ответила.

Через двадцать минут в подъезде хлопнула дверь. Шаги. Я узнала их сразу — размеренные, уверенные.

Ключ вошёл в замок.

Щелчок.

Пауза.

Ещё попытка.

Металл скрежетал глухо.

Артём подскочил.

— Папа!

Он побежал к двери. Я успела перехватить его за плечи.

— Стой.

Снаружи ещё раз провернули ключ. Сильнее.

— Надя, — голос Сергея был спокойным. — Открой.

Я молчала.

— Что за детский сад? — добавил он уже жёстче.

Артём вырвался.

— Папа! — закричал он в дверь и дернул ручку.

Я наклонилась к сыну.

— Иди в комнату, Артем.

— Почему? Папа пришёл!

Снаружи стало тихо. Потом:

— Ты замки поменяла?

Я вдохнула.

— Да.

Пауза затянулась.

— Ты с ума сошла? — голос стал ниже. — Это и моя квартира.

— Была, — сказала я.

Артём переводил взгляд с меня на дверь.

— Мам, открой.

— Иди в комнату, — повторила я. — Пожалуйста.

Он не двигался.

Сергей постучал костяшками по двери.

— Артём, сынок, подойди. Скажи маме, чтобы открыла.

Голос стал мягким. Тот самый голос, которым он разговаривал с ребёнком.

Я почувствовала, как в груди поднимается жар.

— Не впутывай его, — сказала я через дверь.

— Это ты впутываешь, — отрезал он. — Ты сына без отца оставляешь?

Артём смотрел на меня, растерянный.

— Мам, я хочу папу.

Я опустилась перед ним на колени.

— Папа сейчас уйдёт.

— Почему?

Снаружи Сергей вздохнул.

— Надя, хватит цирка. Открой.

— Ты здесь больше не живёшь.

Секунда тишины.

— Ты серьёзно думаешь, что так решаются вопросы? — голос стал холоднее. — Завтра придешь в себя от своих эмоций и будешь жалеть.

— Не буду.

Он усмехнулся. Я слышала это даже через дверь.

— Ты сама меня вынудила.

Слова прозвучали спокойно. Без крика.

— Потом не говори, что я ушёл.

В подъезде кто-то хлопнул дверью. Шаги отдалились.

Артём всё ещё стоял рядом.

— Папа ушёл?

Я кивнула.

— Почему он не с нами?

Я не знала, что ответить.

Он прижался ко мне.

— Ты его не пустила?

Вопрос прозвучал тихо, без обвинения.

Я провела ладонью по его волосам.

— Мы взрослые, — сказала я. — Мы сами разберёмся.

Он молчал, потом вдруг вырвался и ударил ладонью по двери.

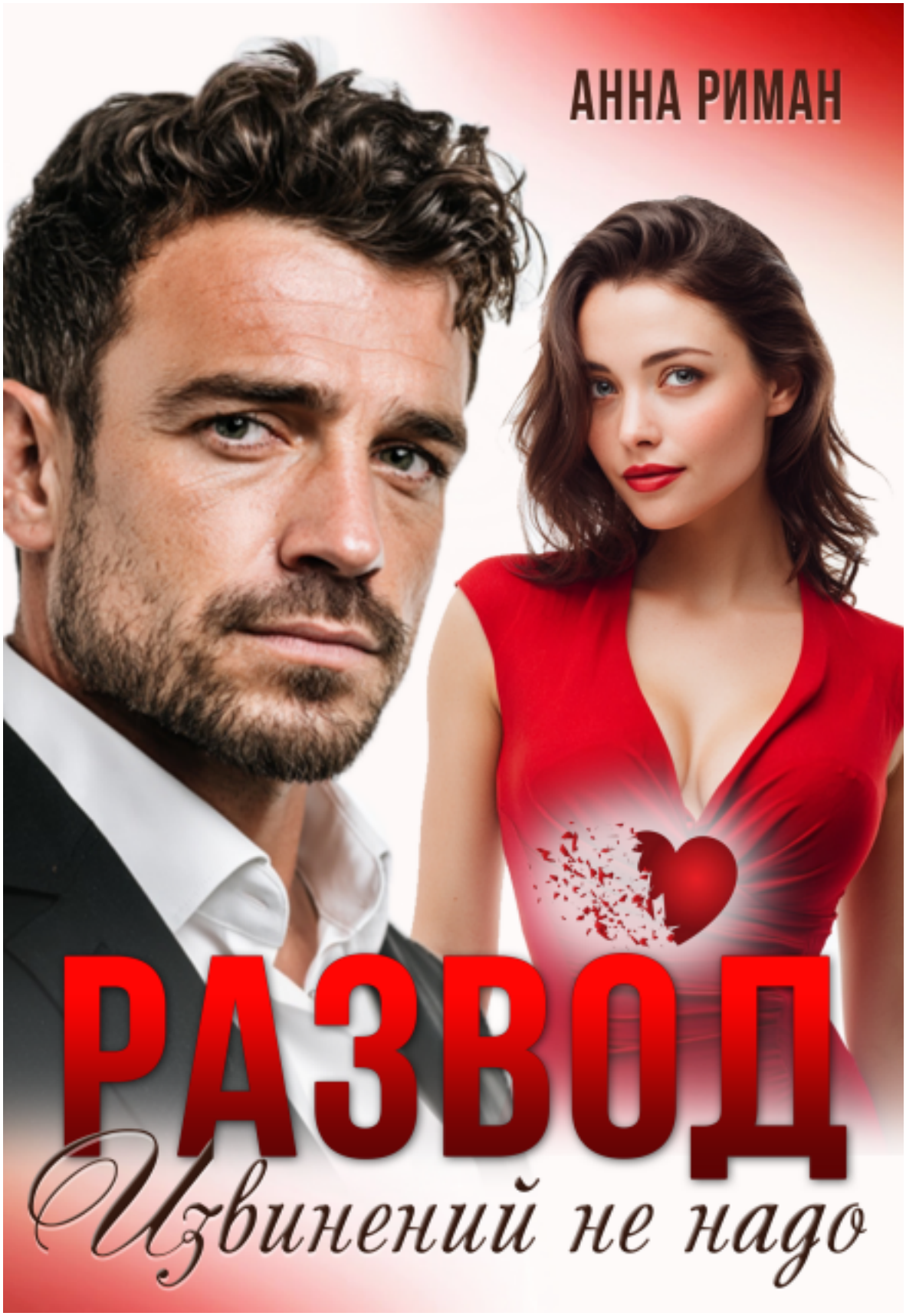
— Папа!

Ответа не было.

Артём пошёл в комнату, волоча за собой рисунок с динозавром.

Я осталась в коридоре одна.
Телефон в кармане завибрировал.
Сообщение от Сергея:
«Раз так — я к ней. Ты сама напросилась.»
Я смотрела на экран, пока буквы не расплылись.
Чемодан всё ещё стоял у стены.
В квартире стало тихо. Я осталась у двери.
Теперь она разделила нас окончательно.

Дорогие читатели!
Сегодня на мою книгу: *“Развод. Извинений не надо” скидка 30%*
и дарю вам промики: ZT610_bq BsubTJVu m6r2kWMv
https://litnet.com/shrt/tHc2

Вчера я умерла.

Душой — для себя. Полностью — для других.

Муж хоронил меня, не зная, что я стою в толпе и смотрю, как он держит за руку мою бывшую подругу.

Говорил правильные слова, опускал цветы в могилу и выглядел безупречно.

Только я не умерла.

Я просто перестала быть той женщиной, которая прощает.

Теперь у меня другое имя, другая жизнь и только одно желание — посмотреть, как рушится их идеальный мир.

Глава 9

Утром Артём проснулся раньше будильника. Сел на кровати, сонный, с теплым отпечатком подушки на щеке, и сразу спросил:

— Папа уже пришел?

Я стояла в дверях его комнаты с футболкой в руках. Несколько секунд смотрела на сына и не отвечала.

— Нет, — произнесла наконец. — Папа не пришёл.

Артём нахмурился, будто не понял.

— Он же вечером был.

— Был.

— А где он спал?

Я натянула на него футболку, пригладила волосы.

— Не здесь.

Он помолчал. Потом тихо:

— Это из-за меня?

У меня внутри дернулось что-то острое.

— Нет. Никогда так не говори.

Он уткнулся мне в живот лбом, постоял так немного и отстранился.

В садик шли молча. Артём тащил за собой рюкзак, то и дело оглядывался, будто ждал, что сзади догонит Сергей, окликнет его, поднимет на руки. Я шла рядом и смотрела прямо перед собой.

У калитки он снова спросил:

— Папа сегодня заберет меня?

— Не знаю.

Он вздохнул слишком по-взрослому, поправил лямку рюкзака и ушёл в группу, не обернувшись.

В музыкальной школе пахло пылью, лаком и мокрой шерстью чужих шапок. В коридоре кто-то играл гаммы — неровно, с провалами. Я открыла кабинет, поставила сумку на подоконник и села за инструмент.

Пальцы легли на клавиши. Белые, чёрные, знакомые до боли. Сыграла несколько аккордов, но звук показался чужим. Сухим.

В дверь постучали.

— Надежда Андреевна, у вас после обеда окно? — заглянула администратор Лена.

— Да.

— Мама одной девочки ищет преподавателя. Правда, только на два раза в неделю и поздно.

— Возьму, — согласилась я сразу.

Лена моргнула.

— Там неудобно. По пятницам до восьми.

— Возьму.

Она кивнула и закрыла дверь.

Я сидела и смотрела на клавиши. Ещё неделю назад я бы отказалась. Артём, ужин, дом, Сергей. Теперь дом был тем же, а всё остальное — нет.

На большой перемене я сама вышла к стенду с расписанием и нашла Лену в учительской.

— Если ещё кто-то ищет, скажи мне.

Она подняла глаза от кружки.

— Ты свободные часы хочешь добрать?

— Да.

— Хорошо.

Она произнесла это спокойно, без жалости. И я была ей за это благодарна.

До обеда пришли двое учеников. Один сбивался, второй ковырял ногтем облупившийся край стула. Я ловила себя на том, что слушаю не их, а тишину между нотами. В этих паузах всплывало одно и то же: ключ в замке, голос за дверью, Артём с рисунком в руках.

После уроков я задержалась в кабинете. Пересчитала в уме, сколько смогу заработать за месяц, если взять еще троих. Сумма получалась смешной. Но она была моей.

Телефон завибрировал на краю подоконника. Я вздрогнула так, что он чуть не упал.

Номер незнакомый.

Посмотрела на экран и почти улыбнулась от усталости. Наверное, по поводу занятий. Лена уже успела кому-то дать мой номер.

— Да? — ответила я, прижимая телефон плечом, пока складывала ноты в папку.

Несколько секунд в трубке было тихо. Потом женский голос, ровный, молодой:

— Надежда?

Я замерла.

— Да.

— Меня зовут Вика.

Имя мне ничего не говорило.

— Я... хотела, чтобы вы знали. Сергей сейчас со мной.

Папка выскользнула из рук и ударилась о край стула. Ноты разлетелись по полу.

В трубке снова стало тихо. Я слышала её дыхание. Спокойное. Она не торопилась. Будто знала, что я никуда не денусь.

— Зачем вы мне звоните? — спросила я.

Голос прозвучал ниже, чем обычно.

— Устала делать вид, что ничего не происходит, — ответила она. — Сергей к вам больше не вернётся.

Я смотрела на белые листы у своих ног. На ноты, которые разъехались веером по линолеуму.

— Это он вас попросил? — спросила я.

— Нет. — Пауза. — Я сама решила.

Меня качнуло от злости. Не от боли даже. От того, как спокойно она говорила.

— Тогда слушайте меня, Вика, — выдавила я. — Больше никогда мне не звоните.

Она выдохнула — коротко, почти со смешком.

— Думаете, это что-то изменит?

Я закрыла глаза.

За стеной кто-то начал играть вальс. Неуверенно. С запинками.

— Изменит, — сказала я. — Для вас.

И нажала отбой.

Руки дрожали так, что я не сразу смогла собрать ноты. Два листа улетели под батарею. Я опустилась на корточки, потянулась за ними и вдруг увидела свои пальцы — короткие ногти, прозрачный лак, тонкая царапина у основания большого.

С такими руками неудобно рядом появляться.

Я выпрямилась слишком резко, ударилась затылком о край инструмента и зашипела сквозь зубы.

В коридоре зазвенел школьный звонок. Двери кабинетов начали хлопать. Детские голоса понеслись по этажу.

Я подняла телефон. Открыла чат с Сергеем. Последнее от него было вчера:

«Раз так — я к ней. Ты сама напросилась.»

Пальцы зависли над экраном.

Я напечатала:

«Передай своей Вике, чтобы больше мне не звонила.»

Стерла.

Снова набрала:

«Забери вещи до конца недели.»

Снова стерла.

Экран погас. В черном стекле отразилось моё лицо — уставшее, старше, чем утром.

В дверь постучали.

— Надежда Андреевна, вы свободны? — заглянула Лена. — Там мама девочки подошла, которой нужен преподаватель. Позвать?

Я положила телефон на стол.

— Да. Пусть зайдет.

Лена исчезла, и через минуту в кабинет вошла высокая женщина в бежевом пальто, держа за руку девочку с косичками.

— Здравствуйте. Нам вас рекомендовали, — произнесла она. — У Полины прослушивание через месяц. Вы сможете взять?

Я посмотрела на девочку. Та крепко сжимала футляр с нотами и старательно не смотрела мне в глаза.

— Смогу, — ответила я.

— Даже по вечерам? Нам удобно только после семи.

Я почувствовала, как внутри что-то становится на место. Больно, неуклюже, но на место.

— По вечерам тоже.

Женщина заметно обрадовалась.

Она говорила про конкурс, программу, про дорогу из другого района. Я кивнула, записала номер и добавила время в расписание.

Когда дверь за ними закрылась, в кабинете снова повисла тишина.

Телефон лежал рядом с журналом. Чёрный экран. Ни нового сообщения, ни звонка.

Я застегнула сумку, взяла папку с нотами и вышла в коридор.

Нужно было забрать Артёма.

И решить, что я скажу ему вечером, если он снова спросит про отца.

Глава 10

В раздевалке было душно. Чьи-то мокрые варежки висели на батарее, пахло шерстью, снегом и детским мылом. Я как раз забирала куртку Артема, когда воспитательница окликнула меня из-за шкафчиков:

— Надежда, ваш муж сегодня звонил. Спрашивал, как Артём.

Я обернулась.

— Сергей?

— Ну да, — она кивнула, будто в этом не было ничего особенного. — Сказал, может, сам как-нибудь заберёт на неделе.

Я кивнула в ответ. Медленно. Так, чтобы лицо не выдало смятение.

Артём в этот момент уже натягивал шапку, криво, на один бок.

— Мам, смотри, я сам, — произнес он и тут же уронил варежку.

Я подняла её с пола.

— Молодец.

Воспитательница ушла к другим детям. Я застегнула Артёму молнию до подбородка, и он поднял на меня глаза.

— Папа звонил?

— Звонил.

Он оживился мгновенно.

— Я же говорил.

— Что говорил?

— Что он про меня не забудет.

У меня пальцы замерли на собачке молнии. На секунду.

Мы вышли на улицу. Воздух был сырой, тяжёлый, снег на дорожках уже серел у края бордюров. Артём шёл рядом, волоча рюкзак за одну лямку.

— Папа вчера мне звонил, — сообщил он, глядя себе под ноги.

Я остановилась.

— Когда?

Он тоже остановился, удивлённо посмотрел на меня.

— Вечером. Когда ты в ванной была.

Я молчала.

— Он сказал, чтобы я не обижался, — продолжил Артём серьёзно. — И что я к нему приеду. Он мне машинку подарит.

— Куда приедешь? — спросила я.

— К нему, — Артём пожал плечами. — У него теперь другая квартира.

Он произнес это так просто, что у меня на секунду заложило уши.

— И ещё… — он задумался, шмыгнул носом. — Он сказал, что там красиво. Мне понравится.

— Там? — повторила я.

— Ну… где он сейчас.

Я взяла его за руку крепче, чем обычно.

— Пойдём.

У подъезда открыла почтовый ящик. Реклама, квитанции, местная газета. В самом верху — коммуналка. Я сунула её в сумку, не глядя.

Дома Артём сразу ушёл в комнату и принялся искать свой рисунок с динозавром.

— Я папе отдам, — донеслось оттуда.

Я прошла на кухню, бросила сумку на стул, достала квитанцию. Свет от лампы бил в бумагу слишком ярко.

Сумма была больше, чем я надеялась.

Я осела на стуле.

Раньше даже не смотрела на эти платёжки. Сергей платил сам. Точнее, я думала, что сам. Всё как-то решалось без меня. Я жила внутри готовой системы, как внутри кухни, где кто-то уже включил свет и поставил чайник.

Телефон завибрировал на столе.

Сообщение от Сергея.

Раз уж ты решила жить отдельно — оплачивай счета сама.

Я перечитала дважды.

Ни «как Артём». Ни «что с тобой». Только это.

Из комнаты вышел Артём с рисунком в руках.

— Мам, а папа потом его увидит?

Я посмотрела на динозавра — зелёного, с кривыми зубами и слишком длинным хвостом.

— Не знаю.

— Но я же для него рисовал.

Он стоял посреди кухни, в носках, с листом, который уже начал мяться по краям. Я протянула руку.

— Давай пока положим сюда.

Он не отдал сразу.

— Ты на папу всё ещё злишься?

Я опустила взгляд на его пальцы — маленькие, тёплые, впившиеся в бумагу.

— Это не из-за тебя.

— Я знаю, — сказал он быстро. — Но ты на него злишься.

Я забрала рисунок осторожно и положила на подоконник.

— Иди руки помой. Ужинать будем.

Он ушёл в ванную. Через минуту послышалась вода.

Сообщение от Сергея висело коротким серым прямоугольником. Холодным. Будто его писал не человек, а автомат.

Набрала:

Ты серьёзно решил оставить нас без денег и ещё коммуналку повесить?

Посмотрела.

Стерла.

Написала:

Не звони больше Артёму без меня.

Палец завис над отправкой.

Я не успела нажать.

Новое сообщение всплыло поверх.

В субботу заберу Артёма. Пора ему познакомиться с Викой.

Я сначала не поняла, что именно прочитала. Слова сложились в смысл только со второго раза.

Познакомиться.

С Викой.

Я перечитала ещё раз. Потом ещё.

Из ванной крикнул Артём:

— Мам! Где моё полотенце?

Я не ответила.

Телефон лежал в руке тяжёлый, как будто внутри у него был камень.

Познакомиться с Викой.

То есть он уже всё решил. Без меня.

Про субботу. Их знакомство. И то, что чужая женщина войдет в жизнь моего сына.

Я медленно поднялась из-за стола, дошла до ванной, открыла дверь и молча подала Артёму полотенце.

Он вытер руки, посмотрел на меня внимательно.

— Мам, ты плакала?

— Нет.

— А глаза красные.

— Устала.

Он кивнул, будто усталость была чем-то понятным, что можно просто принять. Потом взял меня за палец мокрой ладонью.

— Я к папе поеду?

Я опустилась перед ним на корточки.

В горле стояло что-то твёрдое. Говорить приходилось сквозь силу.

— Не знаю.

— А кто такая Вика?

Я закрыла глаза на секунду.

— Иди садись за стол.

Он ушёл.

Я вернулась на кухню. Взяла телефон. Села.

Пальцы сначала не слушались. Я промахнулась по буквам, стёрла, набрала заново.

Нет.

Одно слово.

Смотрела на него несколько секунд. Потом нажала отправить.

Сообщение ушло сразу.

Серый фон. Две галочки.

Положила телефон экраном вниз и какое-то время просто сидела, глядя на край стола. Из комнаты доносился голос Артёма — он что-то бормотал своему динозавру, переставляя тарелки на игрушечной кухне. На подоконнике белел его рисунок.

Через минуту телефон снова завибрировал.

Я перевернула его.

Ты не одна решаешь.

Прочитала и вдруг почувствовала, что внутри, под страхом и злостью, под всей этой грязной, липкой болью, поднимается что-то новое. Холодное. Ровное.

Я взяла квитанцию. Положила рядом с телефоном.

Потом открыла блокнот.

Нужно было понять, что теперь на мне.

Написала сверху: Коммуналка. Садик. Уроки.

Буквы вышли неровными.

Из комнаты снова позвал Артём:

— Мам, ты идёшь?

— Иду, — ответила я.

Закрыла блокнот. Телефон больше не трогала.

Но когда шла в комнату, уже знала: для него в субботу всё так просто не будет.

Дорогие читательницы! Поздравляю вас с праздником 8 марта! Счастья, добра и большой любви. В честь праздника сегодня на все мои законченные книги *скидка 30%.*

https://litnet.com/shrt/_y7J

Глава 11

Вечером я привела Артёма к маме.

Она открыла дверь не сразу. Сначала щёлкнул замок, потом цепочка. Когда мама выглянула, из квартиры пахнуло жареным луком и чем-то сладким — она, видимо, пекла.

— Вы чего так поздно? — спросила она, склонив голову к плечу.

— У меня урок. Помнишь, я говорила.

Артём проскочил в коридор и уже стаскивал ботинки.

— Бабушка, я у тебя буду спать?

— Если мама разрешит, — сказала мама и посмотрела на меня.

Я кивнула.

Он сразу оживился.

— Мам, папа завтра меня заберёт?

Я сняла с него куртку, повесила на крючок.

— Не знаю.

— Но он обещал.

Я присела, поправила ему воротник.

— Посмотрим.

Артём нахмурился, будто не понял ответа.

— Ты скажешь папе, что я его жду? — спросил он серьёзно.

Я на секунду задержала взгляд на его лице.

— Скажу.

Он кивнул, будто вопрос был решён, и убежал на кухню.

Мама проводила его глазами.

— Всё нормально? — тихо спросила она.

— Да, я быстро.

Она не поверила, но спорить не стала.

Дверь за спиной закрылась мягко, без хлопка.

В музыкальной школе было почти пусто. В коридоре гудели лампы, пахло старым лаком и пылью. Я открыла кабинет, поставила сумку на стул, подняла крышку пианино.

Пальцы легли на клавиши.

Белые. Чёрные. Знакомые.

Сыграла несколько аккордов — просто чтобы почувствовать звук.

В дверь постучали.

— Можно?

На пороге стояла девочка с футляром для нот. Моя новая ученица.

— Полина?

Она кивнула.

— Проходи.

Мы начали урок.

Я играла, она повторяла. Сначала медленно, потом быстрее. В одном месте девочка сбилась, и я попросила сыграть ещё раз. Затем ещё.

В какой-то момент поймала себя на том, что слишком долго держу паузу между тактами.

Полина терпеливо ждала.

Дети не спрашивают, что с учителем. Они просто стараются играть лучше.

Урок закончился почти незаметно.

Полина закрыла ноты и посмотрела на часы.

— Дядя скоро придёт.

Минуты тянулись. В школе было тихо, только где-то хлопнула дверь.

— Он иногда задерживается, — добавила девочка с беспокойством.

Я кивнула.

Через несколько минут в конце коридора послышались шаги.

Мужчина остановился у двери. Высокий, темное пальто подчеркивало широкие плечи. Он на секунду задержался, будто проверяя номер кабинета.

Я подняла глаза — и почему-то сразу отметила, что он красивый. Спокойное лицо, правильные черты, уверенный взгляд человека, который привык, что его ждут.

— Простите, что опоздал, — произнес он вместо приветствия.

Полина тут же подскочила со стула.

— Дядя!

Он улыбнулся ей и только потом посмотрел на меня. Взгляд остался мягким, просто стал внимательнее.

— Мы уже встречались, — произнес он.

Я нахмурилась, пытаясь вспомнить.

Парковка.

Удар.

Тёплая ладонь, за которую я держалась, когда вставала.

Я выпрямилась.

— Точно…

Имя вертелось где-то рядом, но не ловилось.

Он напомнил:

— Владислав. Как ваша нога?

Я на секунду растерялась.

— Нормально… уже почти не болит.

Он кивнул, будто проверил и принял ответ.

— Я тогда всё-таки на вас наехал.

Я смутилась.

— Скорее я сама шагнула на дорогу.

Он чуть улыбнулся.

Полина подошла к нему.

— Дядя, мы уже всё сыграли.

— Молодец, — сказал он и взял у неё футляр.

И снова посмотрел на меня.

— Спасибо, что подождали.

— Ничего, — ответила я, и только потом поняла, что тоже улыбаюсь.

Мы вместе вышли на улицу. Воздух был холодный, влажный, асфальт блестел под фонарями.

У тротуара стояла его машина.

— Вас подвезти? — спросил он.

— Не стоит.

— Нам всё равно в ту сторону.

Я уже собиралась снова отказаться, когда за спиной хлопнула дверь.

Сергей шёл к нам быстрым шагом.

Он смотрел только на меня.

— Ты где вообще болтаешься в такое время? — бросил он резко.

Я ничего не ответила.

Он сделал ещё шаг — и только тогда заметил, кто стоит рядом.
Лицо Сергея изменилось мгновенно.
— Владислав Олегович?
Он остановился почти резко.
Владислав смотрел спокойно.
— Добрый вечер, Сергей Александрович.
На секунду между нами повисла пауза.
Сергей коротко кашлянул, будто собираясь с мыслями.
— Вы знакомы?
Я не ответила.
Он заговорил быстрее, чем обычно:
— Это моя жена. Надежда. Она здесь преподаёт музыку.
Владислав слегка кивнул.
— Да, — сказал он спокойно. — Мы уже знакомы. Встречались.
Сергей на мгновение замер.
— Вот как.
Полина потянула Владислава за рукав.
— Дядя, мы поедем?
Он мягко коснулся её плеча.
— Сейчас.
Потом снова посмотрел на меня.
— Рад, что с ногой всё обошлось.
— Спасибо, — ответила я.
Сергей стоял рядом слишком прямо, как будто не знал, куда деть руки.
Владислав открыл машину для Полины, помог ей сесть, потом обернулся:
— Хорошего вечера.
Сергей кивнул чуть быстрее, чем нужно.
— Вам тоже.
Дверца закрылась. Машина тронулась почти бесшумно и медленно выехала со двора.
Фонари скользнули по темному стеклу и погасли за поворотом.
Несколько секунд было тихо.
Сергей смотрел туда, где исчезли огни. Потом резко повернулся ко мне.
— Может, объяснишь, что это сейчас было?

Глава 12

— Может, объяснишь, что это сейчас было?

Я не ответила.

Он шагнул ближе, так что я почувствовала знакомый запах: парфюм, улица, холодный вечер. И что-то ещё. Раздражение.

— Ты вообще понимаешь, кто это был? — спросил он уже тише, но от этого только злее.

— Понимаю, — ответила я.

— Ничего ты не понимаешь.

Он провёл ладонью по лицу, быстро, будто стирал с него выражение, которое не хотел мне показывать.

— Это владелец компании, в которой я работаю, — бросил он. — Владелец. И ты стоишь рядом с ним как будто так и надо.

Я смотрела на него молча.

— Ты специально это устроила? Или тебе просто нравится выставлять меня идиотом?

— Я всего лишь работала, — возразила я. — Мне нужны деньги, чтобы платить за квартиру.

Он дернулся, будто я ударила.

— Не начинай.

— Это ты начал.

Сергей усмехнулся коротко, без улыбки.

— Да? Я? — Он показал рукой в сторону, куда уехала машина. — Это я, по-твоему, прогуливаюсь вечерами возле музыкальной школы с начальником под ручку?

— Не выдумывай.

— Тогда что это было?

— У него племянница у меня занимается.

— Конечно, — Сергей кивнул. Слишком быстро. — Очень удобно.

Я уже устала от его лица, от его голоса и от того, как он каждый раз делал меня виноватой.

— Ты хотел поговорить? — спросила я. — Говори.

Он сунул руки в карманы пальто, тут же вытащил. Явно нервничал, но пытался не показывать.

— Ты сама меня вынудила, Надя.

Я даже не удивилась.

— Правда?

— А что мне оставалось? — Он шагнул ещё ближе. — Ты поменяла замки. Устроила цирк. Не даёшь мне видеть сына нормально. Ты думаешь, я должен был ночевать под дверью?

— Ты мог не спать с другой женщиной.

Он стиснул зубы.

— Не надо снова заводить эту пластинку.

— Это не пластинка. Это твоя жизнь.

— Нет, — отрезал он. — Это твоя истерика.

На несколько секунд стало тихо. У подъезда напротив хлопнула дверь. Где-то залаяла собака.

Сергей посмотрел мимо меня, на окна дома, и заговорил уже другим тоном. Ниже. Почти устало.

— Завтра я заберу Артёма.

— Нет.

— Мы поедем в зоопарк, — продолжил он, будто моего ответа не было. — Он давно просился. Погуляем, поедим, куплю ему что-нибудь.

— Нет.

Он повернул голову медленно, с недоверием.

— Надя, не ломай ребёнку выходной.

— Я не отдам его тебе с ней.

— С кем — с ней? — Сергей скривился. — Ты даже имя её произнести не можешь, а уже строишь из себя мать-героиню.

— Я не позволю тебе знакомить Артёма с любовницей.

Слово повисло между нами.

Сергей отвёл взгляд первым.

— Одумайся, — сказал он. — И всё будет как раньше.

Я усмехнулась.

— Как раньше?

— Да. Я вернусь домой. Хватит ломать то, что пришлось так долго строить.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем. — Он посмотрел на меня с раздраженным терпением, как смотрят на больного человека, который отказывается принять таблетку. — Ты ведёшь себя, как будто я вас бросил. А это не так. Я не отказываюсь от сына, и от тебя не отказываюсь.

— Очень великодушно.

— Не ерничай.

— Не прикасайся к моему ребёнку своей новой жизнью, — сказала я. — И ко мне тоже.

Сергей шагнул вплотную.

— Ты сама не понимаешь, что делаешь. Поломаешь всё — потом будешь жалеть.

— Я уже жалею. Только не о том.

Он несколько секунд смотрел мне в лицо. Потом вдруг усмехнулся — иначе. Тише. Будто решил, что спор словами ему наскучил.

— Ты всё ещё любишь меня, — сказал он.

Я почувствовала, как внутри поднимается холод.

— Не выдумывай.

— Любишь, — повторил он с ленивой уверенностью. — Иначе не трясло бы тебя так.

Я сжала пальцы в кулаки.

— Забери свой чемодан.

— Надь, — он наклонился ближе. — Перестань.

— Отойди.

— Она для меня ничего не значит.

Я даже не успела понять, как он оказался вплотную. Его ладонь легла мне на талию, вторая — на затылок. Быстро. Привычно. Так, будто имел на это право.

Он поцеловал меня в губы жёстко, без нежности, как ставят печать.

Я дёрнулась назад, но он только сильнее прижал.

— Перестань ломаться, — пробормотал в щёку. — Ты же моя жена.

Его пальцы скользнули под пальто, затем под край блузки. Я замерла на секунду от отвращения, от того, что он делал это так, будто между нами ничего не изменилось. Словно не было чужой женщины и всех тех слов, что все еще звучали у меня в голове.

— Я люблю тебя и Артёма, — произнес он глухо, уже у самого уха. — Ты слышишь? Её тут вообще нет. Она для работы, для встреч, для…

Я ударила его ладонями в грудь изо всех сил.

Он отшатнулся на полшага, не сразу отпустив.

— Больше не прикасайся ко мне, — выдавила я.

Голос прозвучал хрипло. Чужим. Но твёрдым.
Сергей смотрел так, будто не верил, что я это сказала.
Я перевела дыхание.
— Забирай свой чемодан. Я подаю на развод.

Глава 13

— Может, объяснишь, что это сейчас было?

Эта фраза всё ещё стояла у меня в голове, когда я утром поднялась по лестнице к маминой квартире.

Я нажала на звонок и вдруг поймала себя на мысли, что боюсь открывать дверь. Будто за ней меня ждёт продолжение вчерашнего разговора. Хотя там была просто мама. И Артём.

Замок щёлкнул. Мама выглянула в щель.

— О, пришла.

Она открыла шире. Из квартиры пахло жареным хлебом и кофе.

— Мама! — крикнул из кухни Артём.

Я сняла ботинки и прошла внутрь.

За столом сидел Артём в моей старой футболке, которая доходила ему почти до колен, и размазывал варенье по тосту так старательно, будто выполнял серьёзную работу.

— Мам, — сказал он, не поднимая головы, — мы сегодня едем в зоопарк?

Ложка в его руке остановилась.

Я тоже остановилась.

На секунду стало тихо — только мама ставила чашку на стол.

— Посмотрим, — произнесла я неопределенно.

Слово получилось слишком лёгким.

Артём поднял глаза.

— Папа обещал.

Я почувствовала, как внутри что-то кольнуло.

Мама посмотрела на меня поверх чашки. Ничего не сказала, но я всё поняла по этому взгляду.

Телефон лежал на столе рядом с сахарницей.

Я старалась на него не смотреть.

Артём доел тост, облизал ложку и вдруг снова спросил:

— Он скоро приедет?

Я открыла рот.

Телефон завибрировал.

Имя на экране.

Сергей.

Взяла трубку и вышла в коридор.

— Да.

— Сегодня не получится.

Голос у него был спокойный. Почти ленивый.

Я молчала.

— Вика приболела, — добавил он.

Где-то рядом громко засмеялись. Кто-то крикнул: «Серёг, давай сюда!» Музыка ударила коротким басом.

Я прижала телефон сильнее.

— Понятно.

— Перенесем на следующую неделю, — продолжил он. — Заберу Артёма, съездим куда-нибудь.

— Хорошо.

Он отключился.

Я ещё несколько секунд держала телефон у уха, хотя там уже давно была тишина.

Когда вернулась на кухню, Артём стоял у двери с курткой в руках.

— Папа едет? — спросил он.

Я присела перед ним и застегнула молнию на комбинезоне.

— Сегодня нет.

Он не сразу понял.

— Тогда… мы не поедем?

Я посмотрела на его лицо — серьёзное, сосредоточенное, как у взрослого человека, который ждет решения.

И вдруг подумала: если сейчас скажу «нет», он будет ждать следующего раза. Потом ещё одного.

— Поедем, — ответила я.

Он моргнул.

— Правда?

— Правда. Только мы с тобой.

Улыбка появилась у него мгновенно.

— Бабушка! Мы едем в зоопарк!

Мама тихо вздохнула за спиной.

У входа в зоопарк было шумно. Дети тянули родителей к кассам, кто-то держал воздушный шар, мальчик в яркой шапке ел сладкую вату. В воздухе смешались запах мокрой земли, карамели и зверей.

Артём тянул меня за руку.

— Быстрее!

— Я иду.

Он бежал от одного вольера к другому, подпрыгивал, пытался заглянуть через ограждения.

— Мам, смотри!

У лис он долго стоял, прижавшись к сетке носом.

— Это волк, — сказал он уверенно.

— Это лиса.

— Всё равно.

Он засмеялся и повел меня дальше.

Мы дошли до медведей. Один лежал на спине, вытянув лапы. Артём хохотал так громко, что пара человек обернулась.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь.

На несколько минут внутри стало тихо.

— Мам, — позвал он вдруг.

— Что?

— Папа обещал меня сюда привезти.

Я взяла его за руку.

— Сегодня мы с тобой.

Он кивнул, будто это объясняло всё.

Мы пошли дальше.

У соседнего вольера стоял высокий мужчина. Спиной ко мне. Рядом девочка в розовой шапке показывала куда-то за ограду.

Я сначала просто скользнула по нему взглядом.

Потом остановилась.

Знакомая линия плеч.

Владислав.

И почти сразу всплыли слова Сергея:

«Это владелец компании».
Внутри стало неловко.
Он видел меня на парковке. И вчера вечером.
Я сжала руку Артёма.
— Пойдём.
Мы начали обходить вольер сбоку. Я старалась не глядеть в ту сторону.
Но в этот момент девочка обернулась.
Полина.
Она несколько секунд смотрела на меня, будто не веря.
Потом лицо у неё просияло.
— Надежда Андреевна!
Я остановилась.
Владислав повернул голову на её голос.
И увидел меня.

Глава 14

— Надежда Андреевна!

Я остановилась так резко, что Артем дёрнул меня за руку.

Полина уже махала мне из-за ограждения. Розовая шапочка съехала набок, радостная улыбка озарила лицо. Рядом с ней стоял Владислав. Он повернул голову на её голос и сразу увидел меня.

Я почувствовала, как внутри всё сжалось.

Вчера Сергей произнёс его имя так, будто споткнулся о собственные зубы. Владислав Олегович. Владелец компании. Человек, при котором Сергей вдруг начал говорить ровно и осторожно, словно забыл, кто он дома.

Мне меньше всего хотелось сейчас подходить.

Я уже развернулась было выйти из павильона, но Полина снова крикнула:

— Надежда Андреевна, смотрите, жираф!

Отступать было поздно.

— Здравствуйте, — произнесла я, подходя ближе.

— Здравствуйте, — ответил Владислав.

Сказал спокойно, без удивления. Будто мы встретились не случайно в зоопарке, а где-нибудь в коридоре, где так и должно было случиться.

Артём прижался ко мне боком и исподлобья смотрел на них обоих.

— Это мой сын, Артём, — произнесла я.

— Привет, Артём, — Владислав чуть наклонил голову.

Без сюсюканья. Просто как взрослому.

Артём сначала не ответил. Только сильнее сжал мою ладонь.

Мужчина на секунду задержал на нём взгляд, потом спокойно протянул руку:

— Дашь пять?

Артём замялся. Посмотрел на меня, потом снова на него.

Медленно поднял ладонь и осторожно хлопнул.

— Нормально, — сказал Владислав так, будто это было чем-то важным.

Артём чуть выпрямился.

Полина уже тянула дядю за рукав.

— Смотри, он опять голову поднял! Сейчас траву будет есть!

Жираф стоял у дальнего края вольера, длинный, невозможный, с темными влажными глазами. Медленно вытягивал шею к кормушке, будто ему вообще не было дела до толпы у ограды.

— Вы любите зоопарки? — спросил Владислав.

Я посмотрела на него.

Вопрос был такой простой, что я не сразу нашлась с ответом.

— Не знаю, — произнесла задумчиво. — Давно не была.

— Я люблю, — сообщил Артём серьёзно. — Мы с папой должны были сюда ехать и с тетей Викой.

Тишина между нами стала заметной.

Я почувствовала, как у меня напряглись плечи и порозовели щеки.

Артём продолжил, не замечая:

— Он обещал. Но не смог.

Полина в эту секунду дернула дядю за рукав так сильно, что спасла и меня, и его.

— Пойдём к обезьянам! Там маленькая прыгает!

— Пойдём, — согласился Владислав.

Мы двинулись вместе вдоль ограждения. Артём сначала шёл за мной, потом увидел, как обезьяна повисла на канате вниз головой, и засмеялся так громко, что сам испугался собственного смеха.

— Мам, смотри! Она как я на турнике!

— Ты тоже так умеешь?

— Умею!

Он потянул меня за руку, уже забыв про обезьяну.

Полина шла впереди, на ходу рассказывая, как сегодня сыграла без ошибок.

Она вдруг остановилась и обернулась ко мне:

— У меня ведь получается.

— Получается, — подтвердила я. — Ты хорошо продвинулась.

Полина чуть выпрямилась, как будто стала выше.

Владислав посмотрел на неё с гордостью:

— Значит, не зря занимаешься.

Она кивнула и сразу побежала дальше, к ограждению.

Мы остановились у следующего вольера. Обезьяны носились по деревянным балкам, цеплялись хвостами, дрались за что-то невидимое. Артём стоял, открыв рот.

— Они как дети, — сказала Полина.

— Нет, — возразил Артём. — Мы лучше.

— Несомненно, — улыбнулась я.

Мне стало неловко — и почему-то легко.

Владислав стоял рядом, руки в карманах пальто. В нем не было спешки и необходимости заполнить тишину. После Сергея это ощущалось особенно остро.

— Полина говорит, ей нравится заниматься с вами, — произнес он.

— Это хорошо, — ответила я. — Значит, не зря сидим по пятницам.

— Вам тяжело?

Я пожала плечами.

— Пока нет.

Потом сама добавила, не сразу поняв зачем:

— Но, наверное, придётся искать что-то ещё. Хотя бы на лето.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Дополнительную работу?

— Да.

Полина в этот момент прижалась к стеклу и закричала:

— Дядя, смотри, она сейчас прыгнет!

Обезьяна действительно сорвалась с балки и пролетела почти через весь вольер. Дети ахнули одновременно.

Я выдохнула.

Разговор оборвался сам собой, и я была только рада.

Мы ещё немного походили вместе. Не рядом-рядом, а так, как идут люди, которых случайно свела одна дорожка. Артём то убегал вперёд, то возвращался ко мне, то вставал рядом с Полиной и молча слушал её рассказы про животных. Она говорила без остановки. Он смотрел и кивал, стараясь не перебивать.

У вольера с птицами Артём начал тереть глаза.

— Устал? — спросила я.

Он замотал головой, но тут же зевнул.

— Нет.

Полина тоже уже тянула дядю за рукав медленнее, чем в начале.

— Домой хочу, — призналась она.

Владислав посмотрел на меня.

— Давайте я вас подвезу.

Я сразу захотела отказаться. Это почти вырвалось само.

Потом посмотрела на Артёма. На его красный нос, на слипшиеся от влажного воздуха ресницы.

— Это не слишком…

— Не слишком, — возразил Владислав.

Машина стояла у дальнего выхода. Внутри быстро стало тепло, пахло кожей и чем-то древесным. Полина забралась назад первой. Артём сел рядом с ней, сначала настороженно, потом увидел на сиденье ремень в ярком чехле и тут же занялся им.

— Я сам, — сообщил он.

— Верю, — улыбнулась я.

Владислав помог детям устроиться и сел за руль. Машина тронулась мягко.

Полина начала рассказывать Артёму про конкурс, на который её собираются везти, и что там будет настоящее жюри. Артём не очень понял, что такое жюри, но уважительно слушал.

Я сидела на переднем сиденье и смотрела в окно. Голова впервые за долгое время была пустой. Не спокойно пустой — просто без Сергея.

Мы остановились у моего подъезда.

Я сразу увидела маму. Она стояла у входа, в пальто поверх домашнего, и выглядела взволнованной.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в мою новинку “*После развода. Не отпускаю*”

https://litnet.com/shrt/Iz0_

Год назад я развелась с мужем из-за его секретарши.
Фотографии, ночные звонки, оправдания про «один поцелуй».
Я ушла.
Начала всё заново и почти подняла свой бизнес.

И вот когда я подписала контракт, который спасает мою типографию, мне сказали:
— Это Андрей Николаевич выбрал вас.
Андрей Николаевич — мой бывший муж.
Теперь мы будем работать вместе.
И судя по его взгляду, развод для него — не конец.
А только начало.

Глава 15

Мама стояла у входа в пальто поверх домашнего халата, руки спрятаны в карманы, и смотрела не на машину — на меня. Так смотрят, когда уже решили, что говорить, но пока не знают, с какой фразы начать.

Артём выскочил первым.

— Бабуля! — закричал он еще на ступеньке. — Мы жирафа видели! И обезьяну! И ещё...

Он сбился на вдохе, потому что слов оказалось больше, чем воздуха.

— Потише, — попросила я автоматически.

Владислав вышел, открыл мне дверь.

— Спасибо.

Он кивнул.

Полина потянула его за рукав:

— Поехали, я замёрзла.

— До пятницы, — попрощалась я.

Она улыбнулась.

Мама за это время не сдвинулась с места. Только перевела взгляд с Владислава на меня, потом на Артёма.

Они обменялись короткими приветствиями — сдержано, почти формально.

Он не стал представляться, мама — расспрашивать. Но я успела увидеть, как она оценила и машину, и пальто, и то, как он со мной держался.

Машина тронулась и быстро скрылась за поворотом.

Артём уже тянул меня к подъезду.

— Мам, а ты видела, как обезьяна прыгнула? А жираф вот так шею делал, вот так! — Он вытянулся всем телом, едва не уронив шапку. — И Полина сказала...

— Потом расскажешь, — перебила я.

Он удивлённо посмотрел на меня. Не обиделся. Просто не понял, почему я не слушаю.

Мама открыла дверь подъезда своим ключом и пропустила нас вперед.

— Надя, — произнесла она тихо. — Нам надо поговорить.

Только тогда я окончательно поняла: что-то случилось.

Мы поднимались по лестнице, и Артём всё ещё рассказывал, захлёбываясь словами:

— ...а потом я сам ремень пристегнул! И Полина говорит, что у них будет жюри, а я спросил, что это, а она...

Я шла следом и почти не слышала. Мама поднималась впереди молча, не оборачиваясь.

В квартире пахло теплом и детским шампунем. Артём стянул ботинки и сразу побежал на кухню.

— Я сейчас динозавра покажу! — крикнул он на ходу.

— Покажешь позже, — протянула я глухо.

Он остановился на полпути и посмотрел на меня уже внимательнее.

Я сняла пальто, повесила его и повернулась к маме.

— Что случилось?

Она не ответила сразу. Прошла на кухню, поправила скатерть на столе, будто именно это было сейчас самым важным.

Я вошла следом.

Артём уже залез на стул.

— Я перевела деньги в садик, — произнесла мама. Потом посмотрела на меня.

Слова не сразу сложились в смысл.

— Какие деньги?

— За экскурсию.

На секунду всё внутри провалилось.

Я села, не глядя куда. Стул оказался слишком близко, колено ударилось о край стола.

— Кто просил? — выдавила я.

— Из садика позвонили. — Мама говорила негромко, но в каждом слове было то самое напряжение, которое я увидела у подъезда. — Сказали, срок уже прошёл. Что остальные сдали. Что они не знают, как тебя поймать.

Я смотрела на стол. На крошки у хлебницы. На кружку у раковины. Куда угодно, только не на неё.

— Я бы сама завтра...

— Завтра уже поздно, — перебила мама. — Они сегодня просили подтвердить.

Артём поднял голову.

— Это про мою экскурсию?

Мы с мамой повернулись к нему.

— Я поеду?

У меня сжалось горло.

— Поедешь, — ответила мама раньше меня. — Всё нормально.

Он кивнул, удовлетворённый, и потянулся за хлебом. Для него вопрос был закрыт. Для меня — только открылся.

Мама села напротив.

— Надя, так нельзя.

Я молчала.

— Ты же брала у меня деньги на это.

— Я знаю.

— Тогда почему...

Она недоговорила. И от этого стало ещё хуже.

Почему? Потому что в тот день у меня на руках была квитанция за квартиру, и я выбрала стены, в которых спит мой сын. Просто не знала, что правильнее — заплатить за одну необходимость или другую, а денег оказалось слишком мало для нормальной жизни и чересчур много гордости, чтобы признать это вслух.

— Мне надо было оплатить квартиру, — выдавила я наконец.

Мама выдохнула.

Не удивлённо. Не возмущённо. Устало.

— Господи, Надя...

Я подняла на неё глаза.

— Что?

— Так нельзя жить.

Сказано было мягко. Почти жалостливо.

Я почувствовала, как к лицу подступает жар.

— А как можно? — спросила я. — Расскажи мне, пожалуйста. Очень интересно.

— Не начинай.

— Нет, давай. Скажи. Снова идти к Сергею? Просить? — я усмехнулась. — Я уже просила. Он сказал: хочешь жить отдельно — плати сама.

Мама покосилась на Артёма.

Он как раз вертел в руках ложку, ничего не понимая.

— Тише, — произнесла она.

Я встала и отвернулась к окну.

Во дворе кто-то хлопнул дверью машины. Соседка повела собаку. Обычный вечер. И только у меня внутри всё было как после пожара — стены ещё стоят, а жить в них уже невозможно.

— Может, всё-таки поговоришь с мужем, — произнесла мама после паузы. — Не как жена. Как мать его ребёнка.

Я закрыла глаза.

Вот оно. Всё равно пришли к нему.

— Нет.

— Надя...

— Нет.

Она поджала губы.

— Он отец.

— А я мать.

— Я не об этом.

— А я об этом.

Тишина растянулась между нами, как мокрая простыня.

Артём аккуратно соскользнул со стула.

— Мам, я динозавра дорисую, — сказал он и ушёл в комнату, прихватив с собой кусок хлеба.

Мы остались вдвоём.

Мама понизила голос:

— Ты думаешь, я не понимаю? Понимаю. Но тебе надо что-то решать. Не вот так, по кускам. Квартира, садик, подработки... Ты не вытянешь, если будешь просто ждать.

Я повернулась.

В её словах не было злости. Только та самая страшная правда, от которой нельзя отвернуться.

— Я не жду, — возразила я.

Но сама услышала, как это звучит. Слабо. Неубедительно. Будто оправдываюсь.

Мама посмотрела на меня долго.

— Тогда решай.

Я ничего не ответила.

Она отвернулась к раковине, включила воду. Посуда звякнула громче, чем нужно.

Я осталась стоять посреди кухни.

Он забрал деньги.

Теперь решает, когда видеть Артёма и что с ним делать.

А я — что?

Я сжала пальцы так, что побелели костяшки.

Нет.

Так не будет.

Прошла в комнату, взяла телефон. На секунду зависла, глядя на экран.

Контакт Сергея был сверху.

Я не открыла.

Пальцы медленно опустились ниже.

Поиск.

Экран мигнул.

«алименты как подать»

Я смотрела на эти слова, будто они были написаны не мной.

Из кухни донесся голос мамы, глухо сквозь шум воды:

— Надя, ты идёшь?

Я не ответила.
Палец завис над первой ссылкой. Я поколебалась с секунду и нажала.

Глава 16

Утром я проснулась раньше будильника.

В квартире было тихо. Из детской доносилось ровное дыхание Артёма. За окном серело небо, и стекло отдавало холодом, даже если не трогать его рукой.

Вчерашние слова ютились в голове обрывками. Деньги. Садик. Квартира. Работа. Алименты.

Раньше всё это существовало где-то рядом, но не вместе. Теперь навалилось одним комом.

Я встала, накинула халат и пошла на кухню. Поставила чайник, открыла шкаф, достала кружку. Делала всё тихо, чтобы не разбудить Артёма, и вдруг поймала себя на том, что руки не дрожат.

Внутри было не спокойно. Просто пусто и жёстко. Как после бессонной ночи, когда сил на слезы уже нет.

Телефон лежал на столе экраном вниз. Я перевернула его.

Ни сообщений. Ни звонков.

Чайник щелкнул.

Я заварила чай и как раз сделала первый глоток, когда телефон зазвонил.

Мама.

— Да, — сказала я.

— Не разбудила?

— Нет.

Она помолчала секунду, будто прислушивалась к моему голосу.

— Как ты?

— Нормально.

Мы обе знали, что это неправда, но разбираться по телефону не стали.

— Надя, — начала мама осторожно. — Я всю ночь думала.

— И?

Пауза.

— Может, всё-таки не рубить сплеча? Поговорить с Сергеем. Ради ребенка хотя бы.

Я сжала кружку в руках.

— Нет.

Она помолчала.

— Ты уверена?

— Да.

Тишина на секунду.

— Тогда что ты будешь делать?

— Пойду к юристу, — ответила я.

Мама выдохнула.

— Уже решила?

— Да.

— Хорошо. Тогда сходи. Узнай всё как есть. И за садик я перевела деньги не для того, чтобы тебя упрекнуть. Ты ведь понимаешь.

— Конечно.

После звонка я ещё несколько секунд сидела, глядя в тёмное окно. Потом открыла телефон и набрала ближайшую юридическую консультацию. Женский голос на том конце объяснил коротко и быстро: сегодня есть окно в двенадцать сорок. Если успею — примут.

Артём был сонный, капризный и всё никак не мог найти вторую варежку.

— Мам, а папа сегодня придёт? — спросил он, пока я застегивала на нем куртку.

— Не знаю.

Он посмотрел на меня снизу вверх. Раньше я бы ответила так же. Сегодня самой стало неприятно от этой фразы.

— Если придёт, я тебе скажу, — добавила я.

В садик мы дошли молча. Артём прижимал к себе варежки, потом сунул одну в карман и тут же забыл про неё. У двери группы обернулся.

— Мам, а на экскурсию я точно поеду?

— Точно, — пообещала я.

Он улыбнулся и убежал.

Я проводила его взглядом, дождалась, пока за ним закроется дверь, и только потом повернулась к выходу.

Кабинет юриста оказался на втором этаже старого офисного центра. Узкий коридор, темный паркет, пластиковые стулья вдоль стены. На подоконнике — искусственный фикус в пыльном горшке.

Я села у двери и сжала сумку на коленях.

Когда меня пригласили, я встала не сразу.

Юристом была женщина лет пятидесяти, в прямоугольных очках и с тонким золотым кольцом на пальце. Никакой жалости на лице. И это почему-то успокаивало.

— Садитесь, — предложила она. — Рассказывайте.

Получилось коротко. Сначала сухо, потом всё быстрее, будто я стремилась успеть, пока хватает воздуха.

Муж. Другая женщина. Отказ давать деньги. Сын. Квартира. Работа в музыкальной школе. Официальная, но зарплата маленькая. Подработки.

Женщина слушала, не перебивая, только иногда делала пометки.

Потом сняла очки, посмотрела на меня прямо.

— Развод не проблема, — сказала она. — Если детей и имущества не касаться, это вообще технический вопрос. Но у вас ребёнок. И деньги.

Я молчала.

— На алименты вы подать можете, конечно, — продолжила она. — И должны, если отец не содержит ребёнка добровольно. Но вам нужно понимать: это не решается за три дня.

— Я понимаю.

— Большой ли у мужа официальный доход?

Я усмехнулась.

— Думаю, да. Он работает в крупной компании.

— Тогда взыскивать можно. Но ещё один момент. — Она перевернула листок. — Ребёнок сейчас с вами проживает?

— Да.

— Это важно.

Я почувствовала, как напряглась.

— Почему?

Она произнесла спокойно, почти буднично:

— Потому что если отец захочет спорить о месте жительства ребенка, суд будет смотреть на стабильность. Доход, условия, занятость, кто фактически занимается сыном.

Я смотрела на нее, и слова сначала не складывались в смысл. Потом сложились — резко, как дверца, прищемившая пальцы.

— Он может попытаться забрать Артёма?

— Попытаться может, — ответила она. — Вопрос в том, что у него получится доказать. И что сможете доказать вы.

У меня в ушах зашумело.

— Но я мать.

— Этого мало, — сказала она. Не жёстко. Просто честно. — Сейчас этого мало.

Я почувствовала, как холодеют ладони.

— Что мне делать? — спросила я. — Чтобы этого не было.

Юрист отложила ручку.

— Работать. Подтверждать доход. Не отдавать ребенка отцу «на неопределённое время». Фиксировать, если он не участвует в содержании. И не ждать, пока он всё решит за вас.

Я сидела прямо, но внутри уже всё сжималось в одну точку.

— То есть моей зарплаты недостаточно.

Она не стала смягчать.

— Для суда важна не только сумма. Важна стабильность. Но если отец с хорошим доходом захочет сыграть в «мать не тянет», вам нужно быть готовой.

Я кивнула.

Что-то во мне в этот момент перестало надеяться, что Сергей просто перебесится и отстанет. Он уже не отставал. Планировал за меня, за сына, за выходные, за деньги. Почему бы ему не решить и это?

Когда я вышла на улицу, ветер ударил в лицо так сильно, что слезы выступили сами. Я не сразу поняла, от ветра или нет.

Люди шли мимо — с пакетами, разговорами по телефону. А я стояла у входа в этот серый офисный центр и пыталась вдохнуть глубже.

Подработками я не вытяну.

Эта мысль была неприятной, но чистой. Без истерики. Без жалости к себе.

Значит, придётся иначе.

Телефон завибрировал в руке.

Незнакомый номер.

Я нахмурилась и нажала принять.

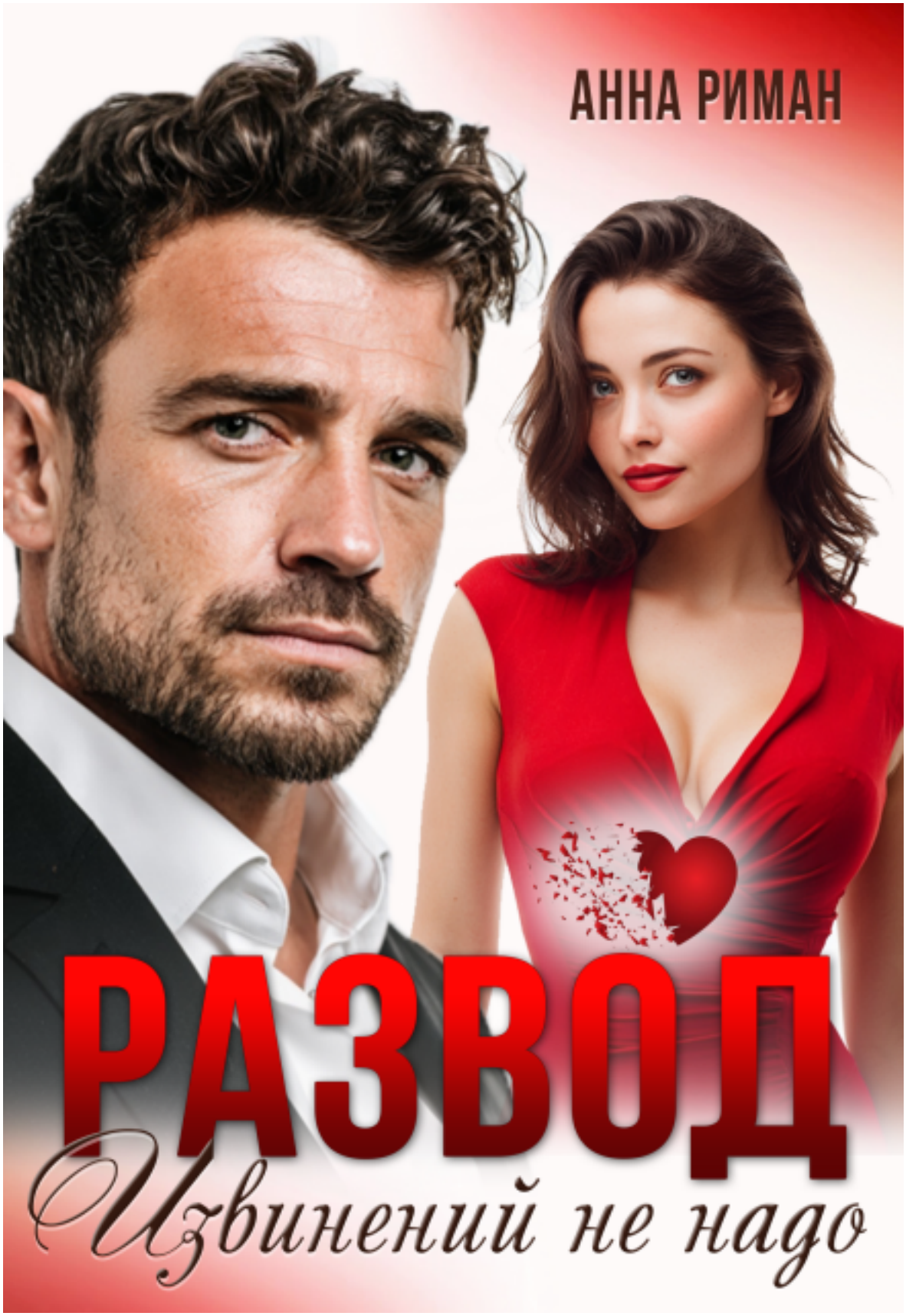
— Да?

Короткая пауза.

Потом мужской голос:

— Надежда? Это Владислав.

Дорогие читатели!
Сегодня скидка 30% на мою завершенную книгу “Развод. Извинений не надо”
https://litnet.com/shrt/ZSEq

Вчера я умерла.

Душой — для себя. Полностью — для других.

Муж хоронил меня, не зная, что я стою в толпе и смотрю, как он держит за руку мою бывшую подругу.

Говорил правильные слова, опускал цветы в могилу и выглядел безупречно.

Только я не умерла.

Я просто перестала быть той женщиной, которая прощает.

Теперь у меня другое имя, другая жизнь и только одно желание — посмотреть, как рушится их идеальный мир.

Глава 17

Телефон всё ещё был у меня в руке, когда я услышала:

— Надежда? Это Владислав.

Я не смогла ответить сразу.

Ветер тянул сыростью, мимо проходили люди, а я стояла у входа в серый офисный центр, сжимая телефон и вытирая внезапно накатившие слезы.

— Да, — выдавила я наконец.

Голос у него был уверенный, с легкой хрипотцой.

— Я хотел бы предложить вам работу. Если у вас есть время, подъезжайте сегодня в офис. Обсудим подробно.

Слова прозвучали так просто, что я не до конца поверила, что услышала именно это.

Работу.

Я молчала дольше, чем было вежливо.

— Надежда? — повторил он.

— Да. Простите. Я… могу подъехать.

— Хорошо. Я предупрежу на ресепшене.

Он назвал адрес и этаж. Коротко попрощался и отключился.

Несколько секунд я еще смотрела на экран, будто там могло появиться объяснение — почему я, зачем сейчас и отчего именно он.

Потом убрала телефон в сумку и пошла к остановке.

Одними подработками я ситуацию не вытяну.

Мысль была холодной, как металлический поручень зимой, но заставляла действовать.

До офиса я доехала, почти не запомнив дорогу, остановилась у входа и на несколько секунд просто замерла.

Стеклянные двери, отражение улицы, люди, которые заходили и выходили, не глядя по сторонам.

Все так же, как в тот злосчастный день.

Та самая парковка. Сергей у машины. Чужая женщина рядом. Его рука у неё на спине — уверенно, как будто так и должно быть. И осколки моих иллюзий.

Тогда у меня внутри всё оборвалось.

Сейчас — нет.

Только сжалось.

Я задержала дыхание, потом медленно выдохнула.

Вот здесь он работает. Приходит каждый день, чтобы увидеть ее.

Я провела пальцами по ремешку сумки.

Мысль кольнула — почти как тогда.

Я толкнула дверь и вошла.

Внутри пахло кофе, полировкой и кондиционером. За стойкой сидела девушка с идеально гладкими волосами и таким выражением лица, будто её ничем нельзя удивить.

— Мне к Владиславу Олеговичу, — произнесла я.

Она сразу подняла глаза.

— Ваша фамилия?

Я назвала. Она отметила что-то в компьютере, протянула пластиковый пропуск и показала в сторону лифта.

Кабина была вся в зеркалах. Я увидела себя слишком резко: пальто, усталое лицо, волосы, которые я собирала наспех и не уложила как следует.

Показалось, что я здесь не к месту.

Потом вспомнила юриста.

«Для суда важна стабильность.»

И выпрямилась.

На этаже было тихо. Светло. Стеклянные перегородки, серый ковролин, тёмные двери без табличек — только тонкие металлические номера у ручек. Люди проходили мимо быстро, с ноутбуками и стаканами кофе, не задерживая на мне взгляда дольше секунды.

Секретарь у кабинета Владислава поднялась мне навстречу.

— Проходите, вас ждут.

Я постучала и вошла.

Кабинет оказался большим, но не чопорным. Стол, длинный шкаф у стены, чёрное кресло у окна, и за этим всем — город, серый, холодный, деловой. Владислав стоял у стола и просматривал какие-то бумаги. Поднял голову, когда я вошла.

— Спасибо, что приехали.

— Спасибо, что позвонили, — ответила я и тут же почувствовала, как это звучит. Слишком поспешно.

Он сделал вид, что не заметил.

— Садитесь.

Я села на край кресла. Сумку поставила у ноги и сразу убрала под стул, будто она мешала.

Владислав не стал ходить вокруг.

— Я скажу сразу, чтобы не тратить ваше время, — произнес он. — Нам нужен человек для организации внутренних мероприятий. После нашего разговора я подумал о вас.

Я посмотрела на него, не скрывая удивления.

— Обо мне?

— Да.

Он сел напротив, положил одну бумагу на другую, выровнял их по краю.

— Вы умеете держать себя в руках. Не суетитесь. Работаете с детьми. И, насколько я понял, можете быстро собраться, когда это нужно.

Я молчала. От его слов стало неловко. Сергей обычно замечал во мне только то, что его не устраивало. А тут человек говорил о моих качествах так, будто они существуют сами по себе, без нареканий.

— Речь не о постоянной должности, — продолжил Владислав. — Сначала — проект. Если вам подойдёт, а нам подойдете вы, обсудим дальше.

— Что именно нужно делать? — спросила я.

Это прозвучало сухо, но я обрадовалась своему тону. Произнесено было по-рабочему. Не растерянно.

— Ближайшая задача — семейное мероприятие для сотрудников компании. Детская часть, организационные вопросы, подрядчики, программа, координация в день проведения. Не всё с нуля, — добавил он. — Базовые наработки есть. Нужен человек, который не развалит их в процессе.

Я чуть улыбнулась.

— Очень ободряющее описание.

Уголок его губ дрогнул.

— Честное.

— А если я никогда не организовывала ничего крупнее утренника в садике?

— Тогда вы знаете больше, чем многие, кто пишет в резюме «стрессоустойчивость».

Я опустила глаза. Эта фраза была сказана ровно, но я всё равно почувствовала, как что-то внутри оттаивает. Совсем чуть-чуть.

— Почему я?

Он не отвел взгляда.

— Потому что мне нужен человек, который не перепутает внешний лоск с работой.

Я не сразу придумала, что на это ответить.

В кабинете было тихо. Только в коридоре за стеклом кто-то быстро прошел мимо, и шаги сразу стихли.

— Это на какое время? — спросила я.

— Пока как проект.

— И если я соглашусь?

— Тогда сегодня вы возьмёте документы, посмотрите условия, завтра дадите ответ. Если ответ положительный, включаемся сразу. Времени немного.

Он открыл папку, достал несколько листов и протянул мне.

— Здесь договор и краткое описание проекта.

Я взяла бумаги.

Сначала смотрела не в текст, а просто на строки. Чёрные буквы, разделы, подписи, печать внизу. Потом заставила себя сосредоточиться.

Организация мероприятий. Обязанности. Испытательный срок. Ответственность сторон.

Слова шли одно за другим, и всё равно смысл упрямо не складывался в целое. Я перелистнула страницу.

— Команда у вас будет, — пообещал Владислав, пока я читала. — Не так, чтобы вас бросили одну в пустой зал и пожелали удачи. Есть подрядчики, есть люди на месте. Нужно держать всё вместе.

— То есть не только дети?

— Не только. Это часть программы.

Я кивнула.

Мои пальцы остановились на следующем пункте.

Оплата.

Я перечитала сумму. Один раз. Потом второй.

Буквы не изменились.

Я перевела дыхание и снова взглянула на строку, будто где-то ошиблась. Не туда посмотрела. Увидела лишний ноль.

Нет.

Всё было правильно.

У меня похолодели руки.

Перед глазами вдруг слишком ясно встали цифры из банковского приложения, мамины деньги на экскурсию, квитанция за квартиру, юрист с её спокойным «для суда важна стабильность».

Этой суммы хватало не только на коммуналку и садик. Она вообще меняла расклад.

Я медленно подняла глаза.

Владислав не торопил. Не спрашивал, что со мной. Просто ждал.

Это было даже удивительнее, чем сумма.

— Я… — начала я и замолчала.

Голос сел.

Я прокашлялась и попробовала снова.

— Я не ожидала столько.

Он чуть наклонил голову.

— Это обычная оплата за подобную работу.

Я смотрела на него и не знала, что меня поразило сильнее — цифра в договоре или то, как спокойно он это произнёс. Будто в этом действительно не было ничего исключительного.

Для меня это была не просто работа или деньги, возможность перестать считать каждую тысячу так, будто она последняя.

Я опустила взгляд на бумаги.
Пальцы всё ещё были холодными.

Глава 18

Договор лежал на столе, прижатый телефоном.

Условия я перечитала дважды, но взгляд упорно возвращался не к обязанностям, а к сумме внизу страницы. Цифры не менялись. Даже не пытались исчезнуть.

Из комнаты доносился голос Артёма — он что-то объяснял динозавру, потом сердился на него и тут же предлагал мир. Мама напевала на кухне, звякнула посудой. В квартире было тесно от обычной жизни, а на столе лежало то, что могло эту жизнь изменить.

Подумать до завтра.

Он сказал это ровно, без нажима. Будто у меня действительно есть возможность спокойно подумать. И речь не идет о том, смогу ли я в следующем месяце оплатить квартиру и Артему садик.

Я отложила договор и открыла шкаф.

Одежда висела плотно, плечо к плечу. Несколько старых блузок, юбка, в которой я ходила на школьные концерты, два свитера, тёмное платье «на выход», которое надевала последний раз, кажется, на чей-то юбилей еще до всей этой грязи. Пальцы перебирали ткань, а в голове становилось всё тише.

Когда я в последний раз покупала что-то просто потому, что понравилось?

Не Артёму — куртка, ботинки, шапка на смену.

Не Сергею — рубашка, галстук, дорогой парфюм «под его новый статус».

Себе.

Пальцы задержались на мягкой ткани блузки, и я вдруг ясно увидела эту простую, до боли обидную правду: всё это время я экономила на себе как на чем-то необязательном. Сначала ребёнок. Потом дом. Затем муж, которому всё время нужно было выглядеть «на уровне». А я — как получится.

Его статусная Вика наверняка бы рассмеялась — с её гладкими волосами, дорогими вещами и уверенностью, которой у меня давно не было.

От этой мысли щеки обдало жаром. Не от ревности даже — от злости. На Сергея. На себя. На то, как незаметно я сама согласилась быть его фоном.

Достала темно-синее платье. Простое, по фигуре, с закрытым горлом и мягкой линией плеч. Приложила к себе, посмотрела в зеркало на дверце шкафа.

Лицо усталое. Скулы обозначились резче, чем раньше. Волосы давно просили укладки. Но взгляд уже был не тот, что месяц назад.

— Мам, ты чего? — Артём возник в дверях так неожиданно, что я вздрогнула. В руках у него был зелёный динозавр со сломанным хвостом. — Ты в гости?

— На работу, — ответила я.

Он нахмурился.

— Ночью?

— Не сейчас. Завтра.

Артём подошёл ближе, уткнулся лбом мне в локоть.

— А ты будешь как тётя Вика? В офис ходить?

Я погладила его по волосам.

— Буду.

Он подумал и кивнул, будто одобрил.

— Тогда тебе надо красивое.

— Правда?

— Ага. Чтобы все сразу поняли.

Что именно должны были понять «все», он не объяснил. Развернулся и убежал обратно к своему динозавру.

Я ещё немного постояла у шкафа, потом аккуратно повесила платье отдельно. Решение уже было принято. И даже не этой ночью над договором, и не после слов юриста. Намного раньше — в тот момент, когда стало ясно: ждать больше нечего и некого.

Утром я отвела Артёма в сад, вернулась домой, собрала волосы, подкрасила ресницы и надела то самое тёмно-синее платье. На губы легла спокойная, почти незаметная помада, найденная на дне косметички. В зеркале отразилась женщина с испуганными глазами, но решительным лицом.

Боевого настроя хватило, чтобы доехать до офиса и не задушить себя сомнениями. Внутри пахло кофе и дорогой чистотой.

Девушка на ресепшене без лишних вопросов выдала мне пропуск. Лифт мягко поднял наверх. Пока кабина ползла между этажами, я смотрела на своё отражение в зеркальной стенке и думала только об одном: не ссутулиться.

Секретарь провела меня в кабинет. Владислав стоял у окна и что-то читал с планшета. Обернулся почти сразу.

— Доброе утро.

— Доброе.

Его взгляд задержался на мне на долю секунды дольше обычного. Без оценивающей липкости, но с легким огоньком в глазах.

— Решили?

Я кивнула и положила подписанный договор на стол.

— Да. Но мне нужно сразу оговорить один момент. До конца месяца я не могу бросить школу. И мне важно забирать сына. Если работать, то с учётом вечеров и тех часов, когда он в саду.

Он опустил взгляд на бумаги, потом снова посмотрел на меня.

— Это обсуждаемо. Мне нужен не человек, который будет сидеть в офисе для вида. Мне нужен результат.

— Тогда договоримся.

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

— Хорошо.

Он расписался там, где требовалось, нажал кнопку селектора и попросил принести второй экземпляр. Всё происходило буднично, без торжественности, но у меня сильнее забилось сердце. Словно я не подпись ставила, а открывала дверь, которую долго боялась даже толкнуть.

Через несколько минут мы уже шли по коридору.

— Покажу площадку и людей, с которыми вам придётся работать, — произнес он. — Заодно поймете масштаб бедствия.

— Звучит обнадеживающе.

— Я стараюсь.

Офис был светлый, выверенный до мелочей. Стеклянные перегородки, мягкий свет, переговорные с длинными столами, тихие рабочие зоны, где за ноутбуками сидели люди в одежде, которая выглядела случайно дорогой. Никто не бегал, не суетился, но все двигались быстро и чётко.

Он показывал коротко, по делу: здесь найдете подрядчиков, здесь детская зона, эту часть пространства используют под внутренние мероприятия, здесь кухня, дальше — комната отдыха для сотрудников.

Слушала я внимательно, стараясь запомнить все с первого раза. Уже не как человек, который случайно оказался в чужом мире, а как тот, кому в этом мире придется стать своей.

Мы свернули в более широкий коридор, Владислав как раз говорил что-то о плане семейного дня, когда впереди, за стеклянной перегородкой лаунж-зоны, мелькнуло знакомое лицо.

Сначала я заметила плечо в дорогом пиджаке. Жест рукой — уверенный, привычный. Потом профиль.

Сергей.

Рядом с ним стояла Вика — светлая, гладкая, в бежевом костюме, который сидел так, словно был сшит прямо на ней. Она что-то сказала, тронула его за рукав. Он наклонился ближе. Улыбнулся той своей улыбкой, которой дома уже давно не было.

Воздух встал где-то в груди.

Шаг сбился, но я не остановилась. Только пальцы на ремешке сумки сжались так сильно, что кожа под ними заныла.

Владислав осёкся на полуслове.

Наверное, почувствовал.

За стеклом Вика лениво повернула голову — просто так, от скуки — и вдруг замерла. Лицо не изменилось сразу. Только через секунду в глазах что-то вспыхнуло: узнавание, быстрая насмешка, интерес.

Она чуть повернулась к Сергею.

Он поднял голову.

И увидел меня.

Глава 19

На секунду мне показалось, что воздух в коридоре стал плотнее. Как будто стеклянная перегородка, люди с ноутбуками, мягкий свет — всё осталось на месте, но дышать стало труднее.

Сергей узнал меня сразу. Это отразилось не на лице даже — в плечах. В том, как чуть замерла рука у кармана брюк. Вика рядом тоже уже всё поняла. В её взгляде мелькнуло короткое любопытство, а потом — знакомая насмешка, будто перед ней было что-то неуместное, случайно оказавшееся в дорогом интерьере.

— Надежда, — донёсся до меня голос Владислава. — Здесь обычно устраивают зону для детей сотрудников, а вот там…

Его окликнул мужчина в сером пиджаке. Что-то срочное, судя по тону. Владислав коротко повернулся ко мне:

— Одну минуту.

И отошёл.

Ровно этого Сергею и было нужно.

Он двинулся ко мне почти сразу. Без спешки. Не оглядываясь на Вику. Подошёл близко, остановился так, чтобы со стороны это выглядело обычным разговором.

— Ты серьезно решила прийти сюда? — прошипел он тихо. — Ты хотя бы понимаешь, куда вообще влезла?

Подбородок невольно дернулся вверх.

— Я не к тебе пришла.

Он усмехнулся краем рта.

— Конечно. Случайно забрела в мой офис. Ты вообще себя со стороны видишь?

От его парфюма, знакомого до тошноты, на секунду заломило в висках.

— Ты перешла все границы, Надя, — продолжил он, всё так же негромко. — Мало тебе было дома, теперь решила и здесь устроить цирк?

В груди поднялось что-то горячее, колючее. Но выливать это перед ним в коридоре я не собиралась.

— Ошибаешься, — выдавила я сквозь зубы. — Не всё в мире крутится вокруг тебя.

Он хотел ответить, но в этот момент рядом снова появился Владислав.

— Прошу прощения, — произнес он, будто действительно не заметил напряжения.

Он перевёл взгляд с Сергея на меня, на секунду задержался — и спокойно добавил:

— Надежда присоединилась к нашей команде. Будет заниматься организацией мероприятий.

Сергей повернул к нему голову. На лице еще держалось раздражение, но уже через секунду оно исчезло под привычной вежливой маской.

— Вот как, — протянул он.

Слова прозвучали почти ровно. Но я успела заметить, как на долю секунды у него застыло лицо и дернулась бровь. Не ожидал.

Вика подошла ближе. Каблуки стукнули по полу мягко, почти неслышно. Она улыбнулась — не мне, женщине из соседнего отдела, которая как раз проходила мимо с планшетом в руках.

— Интересно, по каким критериям теперь отбирают сотрудников, — произнесла она, не глядя на меня.

Женщина неловко кашлянула и сделала вид, что ей срочно нужно дальше.

Я слышала каждое слово. И Вика прекрасно об этом знала.

Внутри всё стянуло в узел, но лицо осталось спокойным. Только пальцы на ремешке сумки свело сильнее.

Владислав даже не посмотрел в её сторону.

— Продолжим? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Да.

И пошёл дальше, как будто ничего не случилось. Мне оставалось только идти рядом и держать спину прямо, пока за стеклом смотрели Сергей и его новая красивая жизнь.

Следующие полчаса я слушала про подрядчиков, сметы, площадки и тайминг мероприятия. Смотрела на детскую зону, на переговорные, на кухню с кофемашиной, которой одна стоила как половина моей зарплаты в музыкалке. Запоминала, кивала, задавала вопросы. Слова входили в голову упрямо, через звон в ушах, но входили. И это было важно. Не потому, что хотелось что-то доказать Сергею. Мне была нужна эта работа.

Когда всё закончилось, Владислав передал мне папку с документами и список контактов.

— На сегодня достаточно. Посмотрите материалы дома, завтра обсудим детали.

— Спасибо.

Он задержал взгляд на моём лице, будто хотел сказать что-то ещё, но не стал. И правильно. Жалость сейчас была бы хуже насмешки.

К лифту я шла одна, с папкой в руках и гулом в голове.

На первом этаже задержалась у стеклянных дверей, на секунду увидела своё отражение — пальто, тёмно-синее платье, собранные волосы. Не серая. Не убогая. Просто злая.

На улице ударил холодный воздух. Я сделала несколько шагов к остановке и почти сразу услышала за спиной:

— Надя.

Останавливаться не хотелось. Но его шаги уже звучали совсем близко. Пришлось обернуться.

Сергей стоял в нескольких метрах от меня, без пальто, только в пиджаке, будто выскочил следом сразу, как заметил, что я ухожу одна.

— Я хотел по-хорошему, — произнес он.

Слова прозвучали так спокойно, что стало тревожно.

— По-хорошему ты уже всё сказал, — ответила я.

Он подошёл ближе.

— Нет. Ты пока не поняла.

— Так объясни.

Губы у него дрогнули в подобии усмешки.

— У тебя есть выбор.

От этих слов по спине медленно пошел холод.

— Какой еще выбор?

— Либо ты заканчиваешь с этим, — он кивнул в сторону здания за моей спиной, — так, чтобы я тебя здесь больше никогда не видел, либо дальше всё будет иначе.

Я смотрела на него и уже знала, что услышу что-то мерзкое. Но всё равно не была готова.

— Иначе — это как?

Он сделал ещё шаг и взял меня за руку. Со стороны — будто просто хотел остановить. На деле пальцы впились с такой силой, что я едва не вскрикнула.

— Через суд, — спокойно произнес он. — Я подаю на опеку над Артёмом.

Слова не сразу дошли. Повисли между нами, как что-то чужое.

— Что?

— Ты слышала.

— Тебе не нужен ребёнок.

Уголок его рта чуть дернулся.

— Мне не нужна эта ситуация, Надя. Чтобы ты работала здесь и создавала мне с Викой проблемы.

Он сказал это тихо, почти устало.

— Я не стану это терпеть. Поэтому да, — добавил он. — Будем решать через суд.

— Ты им даже не занимаешься.

— Это не имеет значения, — отрезал он. — Суд смотрит на другое.

— На что?

Пальцы на моей руке сжались еще сильнее.

— На стабильность. Доход. Условия.

Пауза.

— И ты сама понимаешь, как это выглядит.

Я рванула руку, но он не отпустил.

— Какая из твоей Вики мать? — вырвалось грубое.

Он усмехнулся.

— При чём здесь Вика?

Короткая пауза.

— Речь о тебе.

— Ты даже не знаешь, что Артём ест на завтрак…

На скулах у него дернулся мускул.

— Это не важно, — перебил он. — Важно, что будет дальше. Я уже проконсультировался с адвокатом. И у меня, Надя, гораздо больше возможностей, чем у тебя.

Он наклонился чуть ближе.

— Так что давай без иллюзий.

Ещё секунда тишины.

— Либо ты прекращаешь это, либо мы идём дальше. И тогда ты можешь потерять больше, чем думаешь.

Он отпустил руку.

— Решай.

Глава 20

В маршрутке пахло чужим парфюмом и тёплым воздухом. Люди говорили, смотрели в окно, дремали. Я сидела у прохода и сжимала папку сильнее, чем нужно.

Он не шутил.

Мысль была холодной, прямой и поэтому страшной. Не вспышка злости. Не слова, сказанные назло. Он уже всё обдумал. Успел поговорить с адвокатом. Прикинул, на что давить и куда бить. Значит, идея пришла ему в голову не сегодня и не в ту минуту, когда он увидел меня в офисе.

Раньше.

Пока я металась между садиком, подработками и юристом, он уже решал, как прижать меня так, чтобы я сама отступила.

Маршрутка дёрнулась на светофоре. Папка скользнула по коленям. Я поймала её и уставилась в темное окно.

Работа была нужна. Без неё я оставалась там, где он и хотел меня видеть: в вечной нехватке, в просьбах, в зависимости, в страхе перед каждой квитанцией. Но сын был дороже любой работы. На это он и давил.

Если отступить, не будет денег на жизнь. А без них он получит то, о чём говорил у офиса. Суд, стабильность, условия. Всё то, о чём юрист напомнила мне тем своим ровным голосом, от которого холодели ладони.

Получалось ловко. Почти безупречно.

Я стиснула зубы и отвернулась от окна.

У калитки садика снег уже растаял до серой каши. Дети в ярких шапках толпились в раздевалке, кто-то капризничал, остальные прыгали на одной ноге, пока взрослые натягивали сапоги. Я открыла шкафчик Артёма, достала его куртку, и тут воспитательница окликнула меня:

— Надежда, можно вас на минутку?

Я обернулась.

У неё было то самое растерянное лицо, с которым взрослые задают неудобные вопросы.

— Да?

— Нам Сергей сегодня звонил, — сказала она. — Спрашивал, какие документы нужны для перевода ребёнка в другой садик.

Мне показалось, что я не расслышала.

— Для какого перевода?

— Ну... в другой садик. — Она замялась. — Я ещё удивилась. Подумала, вы, может, переезжаете или что-то решили поменять.

Пальцы сами крепче сжали молнию куртки.

— Нет, — произнесла я. Голос прозвучал слишком громко. — Никуда мы не переводимся.

Воспитательница быстро кив

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.